

Влада Ольховская

ТАНЦУЮЩИЙ ГОРНОСТАЙ

Знак Близнецов

Влада Ольховская
Танцующий горноста́й

«Влада Ольховская »

2023

Ольховская В.

Танцующий горноста́й / В. Ольховская — «Влада Ольховская»,
2023 — (Знак Близнецов)

После смерти городского сумасшедшего в его квартире обнаруживают тайник, связанный с чудовищным преступлением. Для Яна Эйлера это дело может стать одним из самых сложных в карьере, ведь любой шаг приводит в тупик. Нет свидетелей, улик, мотива, заинтересованных сторон... даже жертвы нет! А убийство все равно произошло.

© Ольховская В., 2023

© Влада Ольховская , 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Влада Ольховская

Танцующий горноста́й

Горноста́й – хищник, который очаровывает.

Он преследует свою жертву под землей, в снегу, в воде и на деревьях. Но порой горноста́й отказывается от нападения и начинает танец. Хищник двигается странно, быстро, ловко и непредсказуемо. Пораженная жертва наблюдает за ним, пытаясь понять, что происходит – до тех пор, пока горноста́й в своем танце не окажется достаточно близко для финального прыжка, за которым следует только смерть.

Пролог

Если бы хоть кто-то оторвался от экрана смартфона, ее брат остался бы жив.

Ирина понимала, что все не обязательно сложилось бы так, ранение оказалось тяжелым, он потерял много крови, но все же, все же... Вдруг был еще шанс? Она старалась отвлечься, не думать об этом, а воображение все равно рисовало Игоря – такого одинокого и беззащитного среди толпы. Кому-то другому, может, и помогли бы. А ему не захотели. Не достали из ушей эти свои дурацкие беленькие наушники, не прекратили водить пальцем по сенсорному экрану. Потом стало слишком поздно, но они даже не поняли этого.

Впрочем, Ирина вынуждена была признать, что не совсем честна даже с собой. Под пламенем праведного гнева саднила совесть. Очень легко было возмущаться и обвинять во всем тех людей – не посмотревших, не подавших руку... Однако в какой-то момент ей пришлось задать себе вопрос: а была бы она рада, если бы они помогли? По-настоящему благодарна? Игорь бы выжил – и продолжил напрасно занимать место на планете еще лет двадцать. Может, не так уж и плохо, что все завершилось быстро?..

Ирина поехала, впервые подумав, как это все-таки страшно: настолько бессмысленная жизнь, что твоя смерть становится облегчением для близких.

– Ирка! – окликнул ее муж. – Ты что там, уснула? Грузчики работают черт знает как, сейчас лестничную клетку разнесут – еще и ремонт оплачивать будем!

Она словно очнулась ото сна, в котором ее брат еще был жив, а людей со смартфонами так удобно было осуждать, перекладывая на них свою вину. Ирина нахмурилась, намекая мужу, что на нее вопить не стоит, и он тут же сник, снова скрылся в подъезде.

Раздражены сейчас были все – и Ирина, и ее муж, и сын, и грузчики, которые наверняка жалели, что согласились на такое. Радовались, пожалуй, только соседи, и они вряд ли разозлились бы из-за погнутых перил или парочки сколов на стенах. Для них-то худшее закончилось!

Ирина знала, что так будет. Поэтому она никак не хотела браться за это дело, все откладывала, тянула время, находила себе оправдания... Но вечно так продолжаться не могло. После смерти брата прошел почти месяц, соседи, где-то добывшие ее телефон, названивали все чаще. Квартиру нужно было расчищать.

Оставалось успокаивать себя лишь тем, что пройдет этот мучительный, унижительный день – и все закончится. Утром уже увезли одну машину хлама, сейчас почти заполнили вторую, скоро должна была подъехать третья... Последняя из заказанных Ириной. Появилось подозрение, что и этого будет недостаточно, однако пока рано было паниковать. Ну сколько мусора вообще могло поместиться в двухкомнатной квартире?

Сегодня Ирина узнала, что очень много. Во-первых, в мусор там теперь превратилось все, даже то, что изначально хламом не было: мебель, одежда, все вещи, доставшиеся Игорю

в наследство от бабушки. Старушка, говорят, была на удивление аккуратная... Какая ирония. Особенно для соседей: вместо тихого, всеми любимого «божьего одуванчика» вдруг получить в компанию угрюмого хордера.

Игорь принялся таскать в квартиру хлам вскоре после того, как получил ключи. Он был очень деятельным хордером и мусор утрамбовывал так, что внутри образовался невероятный, почти фантастический лабиринт. Казалось, что жить внутри просто невозможно, места не хватит, однако Игорь как-то умудрялся. Он как будто протискивался вечером в собственную квартиру, становился еще одним куском бесполезного хлама, переполнявшего пространство, и неподвижно дожидался утра.

Ирина с тоской наблюдала, как отъезжает переполненная вторая машина. Не поместится все в третью, ну никак... А четвертую просто так не вызовешь, это не такси. Похоже, делу предстояло растянуться на два дня.

К ней подошел муж, с ног до головы покрытый строительной пылью, зажег сигарету. Он все еще был зол, однако видел, что на жену лучше не срываться – можно получить.

– Это ж надо было так засрать, – проворчал он, окружая себя кольцами вонючего сизого дыма. Ирина терпеть не могла этот запах и обычно запрещала мужу курить рядом с собой, но сегодня решила сделать исключение. – И при этом столько лет занимать дорогущую московскую квартиру... Жил в дерьме и на золоте, вот ведь ирония!

Ирина сдержанно кивнула, поливать мертвого брата помоями не хотелось. Игорь, пожалуй, был одновременно большей и меньшей проблемой для своих соседей, чем иные безумные сборщики мусора.

Меньшей – потому что он очень тщательно подходил к выбору хлама, который притаскивал на свою территорию. Он был не из тех хордеров, которые роются в ближайшем мусорном баке и достают оттуда все, что под руку попадет. Он отбирал свои «сокровища» по критериям, известным и понятным ему одному. Поэтому в его квартире не разлагались пищевые отходы, привлекавшие крыс, и опасной химии там тоже не было.

А большей – потому что даже его искаженного разума хватало, чтобы не давать официальных причин для выселения из квартиры. Игорь получал пенсию по инвалидности и вовремя оплачивал все счета. Никому не удавалось доказать, что его квартира представляет реальную опасность для подъезда. Поэтому соседям приходилось мириться с постоянной грязью, которая неизбежно наносилась вместе с его «трофеями», и вонью, которая все равно появляется, если квартиру нельзя убрать. Ирина знала немало историй, когда соседи не могли выселить даже обитателей квартир, из которых повсюду разбежались тараканы и крысы, так что с тихим и аккуратным в финансовых вопросах Игорем и шанса не было.

И вот он умер. Никто не скорбел. Они не радовались открыто, но только из уважения к Ирине, да и друг перед другом им было неловко. Что ж они за люди такие – радоваться чужой смерти? Однако Ирина подозревала, что за закрытыми дверями не раз вздохнули с облегчением.

Она не сомневалась, что ее брата здесь еще долго не забудут, станут повторять друг другу рассказы о том, что было, и сочинять байки о том, чего не было. К счастью, ей это слушать не придется, квартиру она готовилась выставить на продажу сразу после того, как удастся официально оформить наследство. А сегодня ей еще предстояло вывезти хлам. Или, скорее всего, завтра...

– Да где он находил такую хрень?! – присвистнул муж то ли с осуждением, то ли с восхищением.

Предметов, подходивших под такое определение, в квартире хватало. Две битые хрустальные люстры. Порванный баян с мехами, расписанными под хохлому. Чугунный утюг. Настольная лампа в виде задушенного гуся. Пятнадцать крышек унитазов с разными рисун-

ками. Сломанный манекен, наряженный Снегурочкой. Ржавые инструменты. Осиротевшие плюшевые игрушки.

Теперь вот два грузчика с трудом тащили из подъезда садовую скульптуру – на редкость уродливого ангелочка, складками жира напоминавшего гигантскую гусеницу с крыльшками. Изначально сомнительное украшение покрывал толстый слой золотой краски, но теперь она местами стерлась или откололась, показывая миру сероватое нутро.

– Тяжелая штука, – оценил муж. – Видишь, вдвоем люди еле несут... Как твой Игореша ее один в дом затащил? Или правду говорят, что психи сильнее нормальных людей?

– У него была тележка.

Возможно, если бы грузчики сразу занялись садовым пупсом, все прошло бы быстрее. Но теперь они устали, замучались, они злились и были неосторожны. Да и золотой ангелочек будто не хотел покидать свое сумрачное убежище, он то и дело выскальзывал из рук. Казалось, что эту необъявленную битву все равно выиграют грузчики, они почти дотащили скульптуру до подъехавшего грузовика.

Вот только они не учли, что машина едва добралась до двора и не была готова к погрузке. Когда они дошли до кузова, грузовик резко дернулся – видимо, водитель позабыл про стояночный тормоз. Грузчиков не задело, однако они отшатнулись и все-таки уронили ангела.

Бетонная скульптура ударилась о металлический бок грузовика и упала на асфальтовую дорожку, расколовшись на несколько крупных частей. Золотой ангел будто желал подчеркнуть, что не хочет принадлежать никому, кроме своего погибшего хозяина.

Это не было проблемой. Скульптура все равно отправлялась на свалку, так какая разница, целой или разбитой? Ирина ожидала от грузчиков продолжения работы, а они стояли над осколками и казались настолько шокированными, будто убили настоящего ангела.

– Да что они там зависли? – разозлился муж. – Уже и так темнеет, они тут ночью бегать намерены?

Он направился к грузчикам, явно собираясь поторопить их, отчитать, хотя бы на них выплеснуть накопившийся гнев. Но, добравшись до сломанного ангела, он так и застыл с открытым ртом.

Дурное предчувствие уже появилось. Необъяснимое, вроде как бессмысленное – и все равно опустившееся на Ирину тяжелой пеленой. Умом она понимала, что ничего серьезного произойти не могло. Это всего лишь дешевая садовая скульптура из квартиры безумного хордера! И все же инстинкты шептали Ирине, что не нужно подходить ближе, смотреть, знать всю правду...

Ирина все равно подошла. Взрослые женщины не прячутся от проблем, она давно себя к этому приучила. Подошла – и тут же пожалела об этом.

Потому что и грузчики, и ее муж все это время смотрели вовсе не на разбитого ангела. Они смотрели на мумифицированную детскую руку, лежавшую теперь среди бетонной пыли.

Глава 1

Иногда Александре казалось, что все это не по-настоящему, просто постановка, да еще не самая удачная. Кукольный театр, игра теней на белом экране, все слишком плоское и очевидное. А иногда накатывало чувство, что правда проявила себя только сейчас. Не было этих долгих, мучительных лет, проведенных вдали от дома, не было похищения, пыток, и Эрика тоже не было. Еще вчера она была восемнадцатилетней девчонкой, которая поссорилась с отцом, зная, что скоро они помиряются. Но сегодня он уже мертв, он уходит в землю, и ничего больше не вернуть...

Смерть Михаила Эйлера была предсказуемой и ожидаемой. Он сильно сдал еще зимой, вскоре после Нового года – совсем как предсказывал Андрей. За долгие годы болезни отца они все привыкли пошучивать, что он на самом деле вечный, он их всех переживет. Они жалели его – но эта сумрачная стабильность утешала их. Михаил был рядом, однако не доставлял проблем. Его смерть была отложенным горем. Его унылая полужизнь давала его детям возможность чувствовать себя моложе, они ведь не были старшим поколением семьи...

Но в этом году финал истории Михаила стал очевиден. Он все реже адекватно воспринимал реальность – кажется, последний раз это было в июле. И даже тогда он выныривал из параллельного мира, в котором обитал большую часть времени, не помня предыдущих событий. Его память бросила последний якорь на семейном новогоднем празднике. Возможно, это было к лучшему.

Вместе с его разумом сдавало позиции и тело. Оно еще двигалось, но уже все меньше, все реже... Сиделки вынуждены были каждое утро проверять, жив он или мертв, это стало не очевидным. Обычно он просыпался. А в начале октября все-таки оказался не жив – умер во сне, такую смерть многие считают подарком праведникам. Возможно, это означало, что свои ошибки он искупил сполна.

Александра увидела его уже на похоронах, в гробу. Он был совсем не похож на себя – даже в болезни, не говоря уже о том прошлом, в котором он стал легендой. Он напоминал маленькую восковую куклу, слепленную неумелым мастером по неудачному портрету Михаила Эйлера. Вот тогда и возникло чувство нереальности происходящего... Александра не знала, как это преодолеть. Внутри как будто поселилась холодная пустота – без боли. Не было ни слов, ни мыслей, и ей нечего было желать. Но теперь она была особенно благодарна Андрею, который заставил ее сказать отцу правду в декабре. Если бы Александра тогда сдержалась, поддалась уговорам обиды и гордости, эта правда так и осталась бы внутри, стала бы нитью, не отпускающей ее от могилы отца.

Теперь же Александра даже сквозь онемение понимала, что все нужные слова прозвучали. Это облегчило потерю, однако не сделало по-настоящему легкой. Александра хотела удержать его, вернуть... Но не того Михаила, которым он был в последние годы, нет. Ей сейчас приходилось отпускать мечту о том отце, который ей полагался от рождения – и который почему-то не достался. Разум немилосердно рисовал не случившееся. Все эти сорвавшиеся встречи, гордые взгляды, протянутую руку... Все воспоминания, которые не были созданы. Все дни, которые пропали впустую или оказались изуродованными горем.

Она не смогла бы объяснить все это, да и не хотела. Никто не ждал от нее слов и, к счастью, не пытался засыпать ее боль дежурными фразами. Рядом с ней оставался Андрей – тихо, постоянно, ненавязчиво, но ровно так, как надо. Теперь, стоя на кладбище, Александра намеренно прижималась к нему, чувствовала за спиной его грудь, чувствовала, как он дышит. Одной рукой он обнимал ее, в другой руке держал черный зонт, прятавший их и от дождя, и от всего мира. Александра понимала, что ничто больше не сможет сейчас помочь, только это – тепло, и дыхание, и пульс, который бился под кожей, выдавал себя, когда она обхваты-

вала пальцами запястье Андрея, чтобы в который раз убедиться, что он здесь, рядом, он точно останется...

А со стороны наверняка казалось, что она спокойна, она даже скучает. Возможно, кто-то решил, что она злорадствует. Ей было все равно.

Она заставила себя оторвать взгляд от восковой куклы в гробу, посмотреть на тех, кто стоял теперь кольцом у разрытой могилы на умытом дождем кладбище.

Ян оставался неподалеку, в паре шагов. Раньше, когда Александра только вернулась, она бы не усомнилась, что не справится с чем-то подобным без него. Но теперь все стало другим, и ей хватало того, что Ян *достаточно* близко. Там, где должен быть.

Брат пришел без зонта, уже вымок, но его это не волновало. Он смотрел на мертвого отца, хмурился, думал о чем-то. Сжимал кулаки. Александра не знала, почему, и не хотела спрашивать, понимала, что ему больно будет отвечать. Иногда горе кричит. Иногда оно требует молчания.

Рядом с Яном стояла Ева – тонкая фигурка в черном плаще. Широкий капюшон не только прятал ее от дождя, но и скрывал большую часть ее лица. Впрочем, Александре и не нужно было видеть ее, чтобы знать наверняка: боли эта девушка не чувствует, сострадания – тоже. И не только потому, что вообще не знала Михаила Эйлера, не умеет просто. Ева была не из тех, кто приходит ради приличия, и в какой-то момент ее присутствие удивило Александру. Но потом она заметила, как Ева украдкой коснулась руки ее брата, и Ян чуть расслабился. Значит, ей все-таки нужно было прийти. Пусть так. Это избавляло Александру от вины за то, что она недостаточно поддерживает брата.

Павел оставался рядом с гробом, он следил за всем, он постоянно был чем-то занят, и казалось, что он всего лишь вел деловой проект, ему было без разницы, что организовывать. Александра знала, что по нему смерть отца ударит сильнее всего, просто понимание накроет его позже. Павел допустит это, только когда будет один, и никто никогда не узнает, что он себе позволит. На следующее утро он снова будет собран и безупречен, разве что покажется чуть старше... Но кто это заметит? Кто будет достаточно внимательно смотреть?

Александре оставалось лишь надеяться, что Кирилл все понимает и поддержит отца. Эти двое за последние месяцы неплохо поладили. Да и Кирилл после недавних событий повзрослел на целую жизнь... Да, он поступит как надо. Александра видела нужную уверенность во взгляде племянника.

Нина пришла на кладбище с детьми – и только с детьми. Александра ожидала увидеть еще и Валентина Назарова, он стал частым гостем в доме ее старшей сестры. Но, похоже, Назаров, как и Ева, обладал каким-то звериным чутьем, подсказывавшим ему, где и когда нужно быть, а где лучше не появляться.

Ася стала единственной, кто плакал открыто и честно. Никита большую часть времени не отрывал лица от плеча матери, но для него это было идеальным поведением.

Они все собрались тут – все дети Михаила Эйлера. Выросшие не такими, как он хотел. Выросшие такими, как надо. Со многим справившимися. Интересно, он гордился бы ими, если бы остался в трезвом сознании и все понял?

Ты бы мной гордился?..

Когда все слова, которые Александра пропустила мимо ушей, были сказаны, настало время последнего прощания. Подойти. Коснуться. Почувствовать под губами сухую, покрытую пудрой кожу – тело готовили к похоронам по всем правилам. Кажется, она справилась... Александра не думала об этом, смотрела, не моргая, как закрывают гроб.

Когда она протянула руку к земле, чтобы взять традиционную горсть, она обнаружила на пальцах кровь. Похоже, в какой-то момент она сжала руку Андрея так сильно, что ногти пробивали кожу. Она не знала, когда и почему. Он даже не вздрогнул.

Следующие часы утонули в черно-белом тумане. Александра не уезжала лишь потому, что не хотела бросать остальных, они должны были видеть, что она рядом. Но мысли все время улетали куда-то еще... То в лишенные окон комнаты борделя, залитые кровью. То в старый яблоневый сад, где маленькая девочка с белыми от солнца волосами плакала и все спрашивала: «Ну почему?»

Почему все должно было закончиться именно так? Вся ее жизнь должна была сложиться по-другому...

Она не выбирала, когда уйти, доверила это Андрею. Порадовалась тому, что они уже несколько месяцев жили вместе и сейчас не нужно было ничего обсуждать в такси.

В прихожей он потянулся к выключателю, но она перехватила его руку.

– Не включай свет.

Это были первые слова, которые она сказала ему за много часов.

– Хорошо, – только и ответил Андрей. Он не стал ни удивляться, ни засыпать ее беспокойными вопросами, которые наверняка накопились за этот день.

Когда она добралась до кровати, почему-то стало очень холодно. Александра понимала, что и в квартире сейчас тепло, и на ней одеяло, и Андрей рядом. А холод не отпускал, настоящий, осязаемый, ее била вполне реальная дрожь, согреться никак не удавалось. Может, так подкрадывалась лихорадка. Или холод попросту шел изнутри, потому от него невозможно было убежать. Андрей в какой-то момент забеспокоился, осторожно коснулся ее лба. Но истинная температура его, видимо, не насторожила, и он не стал предлагать ни лекарств, ни еще одно одеяло.

Ночь прошла странно, мутно. Перед глазами мелькали воспоминания, которые Александра считала надежно запертыми – и которые вроде как не были связаны с отцом. Не напрямую так точно. Но это их не останавливало.

Утром стало лучше, но не слишком, и следующие дни прошли как в тяжелой болезни. Александра чувствовала себя слабой, не хотела ни выходить из дома, ни говорить с окружающими. Андрей не упрекал ее, гулял с Гайей и делал все, чтобы вспоминать о внешнем мире ей пока не приходилось.

Постепенно то, что держало ее со смерти отца и чему Александра не могла подобрать название, ослабило хватку. Она все равно не спешила радоваться. Она знала, что это не тот случай, когда все станет хорошо само собой. Что-то должно было случиться, достаточно значимое, чтобы отвлечь ее, встряхнуть и действительно вернуть к реальности.

И что-то случилось.

Ян пришел без звонка, ему не нужно было узнавать, дома ли Александра. Брат выглядел уставшим, не выспавшимся, ему эти дни тоже дались нелегко. Он уже вышел на работу – кажется, позавчера. Но когда Александра не выказала никакого желания присоединиться к нему, он не стал ее беспокоить.

Зато теперь он пришел уверенно, значит, уходить один не собирался.

– Ты как? – спросил он.

– Нормально... уже нормально. Кофе будешь?

И оба они знали, что никакое это на самом деле не «нормально», да и не будет «нормально» в ближайшее время. Но Александра намекала: ей не хотелось говорить о случившемся, в этом просто не было смысла. Сейчас проще всего было жить так, как нужно, выполнять свою работу, ожидая, когда рана внутри заживет. Это произойдет быстрее, если не тревожить рану словами и памятью.

– Кофе буду, – кивнул Ян. – Все равно поговорить нужно, так почему бы не здесь?

– Я вас оставляю, если мне не обязательно подслушивать, – сказал Андрей. – Думаю, неплохо бы проверить клинику – ну так, глянуть, что от нее осталось без моего присмотра. Я вечером вернусь, не возражаешь?

– Я и сама, наверно, буду поздно, – сдержанно улыбнулась Александра. – И... спасибо тебе.

Она не стала уточнять, за что благодарила. Андрей и так знал.

Когда он ушел, как раз закончила ворчать в своем углу кофемашина. Александра поставила перед братом чашку и заняла свое место за столом.

– Ты все это время справлялся без меня, я даже удивлена, – фыркнула она.

– Это было несложно: там накопилась в основном бумажная возня, которую ты успешно игнорируешь уже второй год. Так что ты бы все равно сидела на подоконнике или играла с Гайей. Я кое-как обошелся без этого.

– Но? Наверняка ж появилось какое-то «но».

– Появилось кое-что, и мне не помешало бы твое мнение, – помрачнел Ян. Он не смотрел на сестру, разглядывая свое отражение в черном кофе. – Я пока не особо представляю, с какой стороны подступиться.

– Это «кое-что» можно описать двумя словами?

– Мертвый ребенок.

– Елки... – нахмурилась Александра. – Ладно, можешь добавить еще слов!

– Мумифицированный маленький ребенок, умерший где-то год назад и взявшийся непонятно откуда. Стало понятней?

– Стало хуже...

Тело ребенка нашли случайно. История началась не с него, а с другой смерти – месяц назад сорокадевятилетнего Игоря Красовского нашли мертвым на ступенях детской поликлиники. Сначала мужчину, одетого в грязные лохмотья, сочли пьяным и попросту обходили стороной. То, что он мертв, обнаружили лишь вызванные кем-то сотрудники полиции.

Причиной смерти Красовского стали два крупных осколка стекла, обнаруженные у него в животе и в ноге. Сами по себе ранения не были смертельными, однако Красовский, вместо того чтобы вызвать Скорую и дожидаться помощи, много двигался, и в какой-то момент кровопотеря стала критической.

Проверка показала, что мужчина вел откровенно маргинальный образ жизни. Красовский, который еще в юности получил инвалидность из-за травмы головы, отличался ограниченными умственными способностями, он почти ни с кем не общался, жил на пособие, а большую часть времени посвящал прогулкам по свалкам и сбору мусора.

Обычно такое «хобби» пресекают родственники, но у Красовского их не было. Он жил один в квартире, доставшейся ему от бабушки. Со сводной сестрой он контакт не поддерживал, и она не смогла ответить на вопрос, желал ли кто-нибудь ему смерти. Пожалуй, желал – и много кто. Красовский был хордером и знатно отравлял существование своих соседей. Вот только следователь, которому было поручено заняться смертью мужчины, сомневался, что кто-то из них решился бы избавиться от бродяги именно так. Дело по-прежнему было открыто, однако толковых подозреваемых в нем не наметилось. Рассматривалась версия о том, что Красовский напоролся на стекло сам, когда полез в очередной мусорный контейнер. Ей и предстояло стать ключевой. Сестра Красовского, Ирина, допускала, что все могло сложиться именно так, и полицию в недостатке старательности не обвиняла. Женщине, похоже, и самой хотелось, чтобы все завершилось как можно скорее.

Словом, гибель Красовского была трагично банальной – до тех пор, пока сестра не взялась разбирать хлам в его квартире. Тогда и обнаружилось, что среди гор мусора хранились мумифицированные детские останки.

– Прямо среди этого хлама? – уточнила Александра.

Ей несложно было представить такое. Александре уже доводилось видеть жилища хордеров, они обычно представляли собой некое подобие филиала свалки в отдельно взятом доме. В этом плане австралийские хордеры ничем не отличались от русских, психическое отклонение

было одно и то же. Они заполняли пространство вокруг себя таким количеством мусора, что маленькому мертвому тельцу легко было потеряться там и на год, и на два. Другой вопрос, почему Красовский спокойно притащил к себе труп ребенка и никому не сообщил об этом. Неужели он был настолько оторван от реальности?

Однако история Игоря Красовского оказалась куда более запутанной. Тело ребенка скрывалось в садовой статуе. Вероятнее всего, Красовский обнаружил это уродство на очередной свалке и вряд ли догадывался, что скрыто внутри. Кто бы догадался на его месте?

Самому умственно отсталому мужчине не по силам было вот так избавиться от тела. Вероятнее всего, труп спрятали внутри бетона, намеренно повредили скульптуру и вывезли ее на свалку. Все выглядело логично, никто не позарился бы на столь сомнительный трофей... Кроме хордера, у которого было свое восприятие мира.

Однако даже обнаружение Красовским статуи не стало угрозой для преступников. У него бетонный ангел мог храниться годами, неизвестно, сколько времени он провел в квартире. Тело обнаружили случайно, когда статую разбили при перевозке – по иронии судьбы опять на свалку, где ей и полагалось быть спрятанной с самого начала.

Но теперь-то преступление было обнаружено – и оно привлекло куда больше внимания, чем смерть Красовского.

- Ты ездил в ту квартиру? – спросила Александра.
- Вчера вечером.
- А меня почему не позвал?
- Реально смысла не было.

Сама разбитая статуя таила в себе больше вопросов, чем ответов. По осколкам лишь можно было разобраться, что внутри скрыта значительная часть останков, на этом – все. По тому, что оказалось на виду, нельзя было определить, сколько лет ребенку, мальчик это или девочка, весь ли труп спрятали внутри... Тут многое зависело от экспертов.

Ян же сосредоточился на грузчиках, которые норовили удрать при первой возможности. Допускать это было нельзя – высока вероятность, что многие из них работали не по договору, а исключительно на честном слове. Таких быстро не отыщешь и повесткой на допрос не вызовешь, приходилось ловить момент.

Грузчики были неразговорчивы. Яну пришлось пробраться через десятки «Ничего не знаю», «Как же я задолбался» и «Угораздило вляпаться за такие копейки!», прежде чем он получил более-менее толковую информацию.

Кто-то из грузчиков вспомнил, что изначально, до того, как квартиру начали освобождать от хлама, золотой ангелочек стоял в коридоре, неподалеку от выхода. Позже статую сдвинули в сторону, потому что она была слишком тяжелой. Грузчики не без оснований надеялись, что ангелочек в вызванные машины не поместится и станет проблемой другой бригады.

Однако выносить его все-таки пришлось...

– Расположение намекает, что Красовский притащил его не так уж давно, – задумчиво указала Александра.

– Мне сегодня утром уже успели сообщить, что труп ориентировочно год... В смысле, в состоянии трупа год, возраст еще устанавливают...

– Я поняла. Думаю, год назад в квартире было посвободней, если бы статуя все время была там, она бы оказалась подальше от выхода... Но это домысел, который с учетом веса ангелочка ничего не стоит. Возможно, он был настолько тяжелый, что Красовский так и бросил его у дверей год назад. Может, кто из соседей видел, как он тащил домой эту бандуру? Большой этот ангел?

- Метра полтора изначально был.
- Неслабо – и из бетона! Такое не каждый день увидишь. Так что по соседям?

– Сегодня участковый им нервы мотает, – отозвался Ян. – Но я уже сейчас могу поспорить, что толку от этого не будет. Красовского там на дух не переносили.

– Ну, было за что, если уж совсем честно...

– Это да. Но при таком отношении обычно или отворачиваются, или пялятся прямо на объект неприязни. Не запомнили они этого ангела, однозначно. Тут, по ходу, только и остается, что ждать подсказок от экспертов.

– Долго возиться будут, – покачала головой Александра. – Они бы и просто с мумифицированным трупом зависли, а уж с извлечением из статуи... Короче, не можем мы столько сидеть и ждать.

– А что можем?

– Сосредоточиться на Красовском. Больше у нас и нет никого пока.

– Да не убивал он никого, – указал брат, задумчиво поглаживая Гайю. – Сама ведь знаешь, хордеры, при всей своей придурковатости, безобидны...

– Я не о том сейчас. Я о его смерти говорю. Как тебе такой расклад: кто-то убивает ребенка, прячет в садовую скульптуру, отвозит на свалку, но не забывает на это дело, а продолжает наблюдать. Ну так, на всякий случай. Узнает, что скульптуру утащил хордер. Перехватывает этого хордера, пытается выяснить, сколько тому известно. Но Красовский наш далеко не оратор. Чтобы перестраховаться, его убивают.

– Стеклом в живот?

– Сработало же!

Ян задумался, смеяться над ее версией он не спешил, да и понятно, почему. Александра и сама не была ни в чем уверена. С одной стороны, это только в американских боевиках свидетелей убивают без раздумий и сомнений, в реальности же преступники понимают, что каждое убийство – еще одна огромная проблема. С другой, Игорь Красовский был откровенным маргиналом, от таких обычно избавляются легче всего. За ним какое-то время понаблюдали, поняли, что семьи у него нет, решили его убрать – логично предполагая, что после этого золотой ангел вместе с другим хламом отправится на свалку, на сей раз на веки вечные.

Версия была сомнительная, но с чего-то нужно было начинать. Особенно при том, что смерть Красовского расследовали уже месяц. Пусть и без особого усердия, но материалов все равно собралось немало.

Получить все это прямо в квартиру было невозможно – да Александра и не хотела. Она вообще теперь старалась как можно реже связывать свой дом с работой, особенно после того, как Андрей поселился с ней. Он об этом не просил, это скорее ей было нужно.

Прошло не так уж много времени после того, как она была на улице, а ей вдруг показалось, что целая жизнь. Это ощущение усиливалось еще и тем, что в день похорон лил дождь и все вокруг выглядело серым, поникшим, как будто тающим. Теперь же сияло солнце, и небо казалось насыщенно-синим, словно вернувшим свой цвет после того, как лето выжгло из него все краски. Сияние задерживалось в пожелтевших листьях, пропитывало их, и вот уже создавалось впечатление, что они сами светятся. Почти невесомые облака сухой листвы шуршали под ногами, совсем как в детстве, и Александра не удержалась, пнула оказавшийся на асфальте каштан так, что он перелетел через всю парковку и скрылся под чьей-то машиной.

– Порицаю, – усмехнулся Ян.

– Правильно произносится «завидую», – поправила Александра. – У тебя никогда так не получалось. А помнишь, как папа...

Она начала – и запнулась, недоговорив. Александра понятия не имела, откуда вдруг выскочила эта реплика. Она никогда их детство не упоминала, она давно уже перестала это делать! А тут вдруг само выскользнуло из подсознания, которое прекрасно знало, что для нее по-настоящему важно.

Ян все понял правильно. Он покосился на нее, ничего не сказал, а уже в машине начал рассказывать что-то про Алису. Александра рассеянно кивала, абсолютно не прислушиваясь к его словам.

Думать о расследовании сейчас было легче, безопасней даже, как бы иронично это ни звучало. Поэтому Александра была рада тому, что по делу хордера хватало документов – отчетов, показаний, видеозаписей...

Следователь, которому было поручено дело Красовского, не скрывал пренебрежительного отношения к погибшему, но это никак не повлияло на его работу. Он уже успел восстановить события последнего дня жизни хордера.

Игорь Красовский умер в начале сентября. В тот день погода баловала летним теплом, поэтому хордер еще ранним утром отправился в пригород. Ему нравились большие городские свалки, в те редкие минуты, когда он все же удосуживался поговорить с сестрой, он называл их сокровищницами. Правда, потом он нарывался на полное непонимание со стороны Ирины и разговоры прекращал.

До свалки он добрался примерно в десять утра – и задержался на много часов. Читая об этом, Александра подумала, что ее теория пока подтверждается. Если убитого ребенка хотели надежно спрятать, загородная свалка подходила идеально. Там слои мусора быстро погребли бы скульптуру, а местные бомжи на нее не позарились бы – зачем им то, что нельзя использовать или продать? Просчитать появление хордера вроде Красовского было невозможно.

Так что статую он наверняка приволок из пригорода, но – раньше. В этот день он возвращался налегке. Следующие достоверные сведения удалось получить в районе четырех вечера, когда Красовского засняла камера наблюдения, установленная в салоне автобуса. Мужчина вошел, оплатил проезд и устроился на задней площадке.

– Он уже ранен, – указала Александра, постучав пальцем по экрану ноутбука, на котором близнецы запустили переданный им ролик. – Видишь?

– Вижу.

Понять это было не так уж сложно: Красовский сильно горбился, одну руку постоянно прижимал к животу, он пошатывался, почти падал, если автобус трясло особенно сильно. На брюках расплылось багровое пятно. На животе оно было не так заметно из-за черного свитера.

Немногочисленные пассажиры автобуса без труда разглядели бы, что с ним что-то не так, если бы озадачились таким. Но они предпочитали не смотреть. Конечно, все они заметили Красовского – он прошел мимо них. Однако он был неопрятным, наверняка вонючим после свалки, угрюмым, возможно, он казался пьяным... Они отводили глаза, потому что боялись нападения. Посмотри ему в глаза, и он разозлится, как хищный зверь! Или начнет клянчить деньги, что более вероятно. Поэтому они склонялись ниже к смартфонам, никто из пассажиров даже в окна не смотрел.

Ян, как и следовало ожидать, думал о том же. Он спросил:

– Ты бы к нему подошла?

– Конечно, подошла бы. И ты бы подошел. Но мы не считаемся.

– С чего это мы не считаемся?

– Мы с тобой слишком много видели и пережили, чтобы быть брезгливыми.

Александра не сомневалась: если вдруг это видео однажды попадет в Интернет, – а в Интернет сейчас попадает что угодно, – пассажиров будут осуждать, критиковать и даже проклинать. Хотя на их месте многие комментаторы поступили бы точно так же. Сложно было догадаться, что Красовский умирает... Он слишком странно себя вел: ни с кем не говорил, не просил о помощи. Из автобуса он вышел сам, оставив на поручнях кровавые отпечатки.

– Посмотри-ка вот на это, – Ян протянул сестре лист бумаги.

В отчете были перечислены вещи, обнаруженные в карманах у Красовского – уже мертвого. Среди его немногочисленного имущества нашелся прекрасно работающий мобильный телефон. Это делало ситуацию еще более запутанной.

– Он мог вызвать помощь в любой момент, – нахмурилась Александра. – Может, не знал, как?

– Знал он все прекрасно. Летом он увидел в подъезде соседку, потерявшую сознание, и вызвал Скорую со своего телефона.

– Ей вызвал, а себе нет?..

– Надеюсь, ты от меня пояснений не ожидаешь? Я бы сам от них не отказался!

Покинув один автобус, Красовский направился к другому. В это время на его пути оказалась больница, однако, судя по времени путешествия, мужчина там не задержался, просто прошел мимо. В следующий раз его засекла уже камера автобуса, доставившего его к детской поликлинике.

К этому моменту его путешествие длилось несколько часов, по жаре, которая больше не казалась подарком природы. Раны, которые изначально были опасными, но не смертельными, привели к слишком серьезной кровопотере. Красовский споткнулся на ступенях, упал и больше не поднялся.

Пока наверняка можно было сказать лишь то, что травмы он получил на свалке. Его соседи утверждали, что он никогда не возвращался из таких поездок домой с пустыми руками, всегда притаскивал с собой баул хлама – хотя его квартира и так казалась переполненной. Но уже в загородный автобус он вошел налегке, ему наверняка было слишком больно, чтобы нести еще и сумку. А он молчал и никому не звонил...

Документов у погибшего при себе не было, но благодаря телефону установить личность и связаться с сестрой удалось в тот же день.

– Все-таки он напоролся сам, – задумчиво произнес Ян, в который раз просматривая отчет судмедэксперта. – Не повезло...

– С чего ты взял? Если бы его ударили, подойдя вплотную, там такая же картина была бы.

– Это да, но я сейчас не о том. Нет никаких других травм, никаких следов сопротивления.

– Нападение могло быть совсем неожиданным, – заметила Александра.

– Его ударили дважды. Неожиданным был только первый раз.

– Допустим. Но он мог и не сопротивляться. Посмотри видео еще раз: у него живот пробит, а он ведет себя так, будто все в порядке. Такой реально мог позволить тебя ударить...

– Это не одно и то же, сопротивление – штука инстинктивная, – настаивал Ян. – Ему даже не нужно было драться, просто оттолкнуть нападавшего. Дядька был предсказуемо истощенный, с паршивым здоровьем, у такого на коже синяки даже от дуновения ветра образуются. Но никаких синяков, порезов и ссадин при вскрытии не нашли. Нет, думаю, он упал сам...

Тут Александре нечего было возразить, да и не видела она смысла держаться за свою наспех слепленную версию о неожиданной расправе детоубийц. Там изначально был грандиозный косяк: не было никакого смысла выжидать месяц, от хордера избавились бы куда раньше и, пожалуй, тише, если бы за ним действительно следили.

– Нам нужно поговорить с сестрой, – признала Александра. – Без нее не разберемся. Ты ведь добыл нам Ирину?

– Естественно. Добытая Ирина явится в пять часов.

Однако встретиться в этот день с Ириной у них так и не получилось. О том, что она не придет, они узнали не от сестры Красовского, а от ее мужа. Ирина оказалась в больнице – стало плохо с сердцем. Как мрачно рассказал муж, причиной послужила не столько чудовищная находка, сколько последовавшие за ней сообщения от соседей Игоря. Ирину обвиняли в предполагаемом преступлении брата так, будто она должна была обо всем догадаться заранее

и как-то предотвратить. Для женщины, которая лично видела иссушенную детскую ручку в бетонной пыли, этого оказалось достаточно.

Можно было отправиться к ней в больницу в этот же день – Ирина была далеко не при смерти. Однако Александра и сама понимала, что спешить нет смысла, все равно до получения информации от судмедэкспертов они ничего толкового не добьются.

Ян остался в кабинете, другие дела никто не отменял. Александра же поехала к себе, но в квартире не задержалась. Она забрала Гайю и отвезла пса в парк. Хотелось ловить последнее осеннее солнце – и сезон каштанов, которые вызывали у дикого австралийского динго непередаваемый восторг. Когда Александра кидала ему каштан, как мячик, Гайя притаскивал и брошенный, и пять-шесть других, пусть даже в колючей кожуре. При этом на хозяйку он смотрел так гордо, что не нужно было даже объявлять ему о звании хорошего мальчика, он и так все знал.

– Я ведь даже не успела тебя познакомить с ним, – тихо сказала Александра, снова отправляя каштан в дальний полет. – Хотя он тебя видел... Думаю, все, что надо, он знал.

Воспоминаний об отце она касалась осторожно, как открытой раны. Боль заметно ослабла. Значит, худший период миновал, можно было двигаться дальше. Чувствовать тепло рыжего солнца на коже, дышать пряным запахом опавшей листвы, верить, что жизнь прекрасна...

Александрe стоило немалых усилий вернуть умиротворенное настроение, и тем обидней стало, когда телефонный звонок его разрушил. Она еще не знала, кто звонит, но настроение портило уже громкость... И когда она успела такую настроить?

Имя на экране тоже радости не прибавило.

– Тебе-то что понадобилось? – изумленно спросила у трезвонящей трубки Александра.

Надпись на экране сообщала, что поговорить с ней внезапно возжелал начальник. По крайней мере, начальником он числился официально – потому что так же официально Александра оставалась сотрудницей австралийской полиции. Однако дома она не появлялась уже два года, да и в ближайшем будущем не собиралась.

Она прекрасно понимала, что никому другому не позволили бы такую «стажировку». Но помнила Александра и то, у скольких людей в руководстве полиции остались долги перед ее покойным мужем. Помочь ей было совсем не сложно, они не возражали, она несколько месяцев английскую речь не слышала – и сегодня не должна была.

Такие люди не звонят просто для того, чтобы передать привет.

– Что уже случилось? – спросила Александра.

– А где мое приветствие? – удивился смартфон голосом ее начальника.

– Здравсьте. Что уже случилось?

– Вот так сразу, да? Пожалуй, это правильно... Есть проблема, Сандра.

Гайя откуда-то притащил ей ветку, на которой висело сразу четыре каштана. Но играть Александрe уже расхотелось, внутреннее напряжение нарастало, закручивалось пружиной где-то в районе солнечного сплетения. Она жестом отогнала пса, и тот, бросив на нее обиженный взгляд, отправился искать для ветки более достойное пристанище.

– Откуда у нас вдруг проблема? Я ничего не делала.

– Это и есть проблема. Предполагалось, что эта твоя авантюра продлится недолго, мы говорили о месяцах – но не о годах!

Он пытался сместить акцент на Александру, а она не стала указывать, что совсем недавно его все устраивало. Догадаться, что произошло, было несложно: в Австралии случались точно такие же проверки высшего руководства, как в России. И теперь это руководство заметило ценную сотрудницу, которая шляется непонятно где, получая при этом зарплату.

Не следовало ей расслабляться... Но ведь схема была такой удобной! У Александры хватало других забот, этот вопрос она считала закрытым по умолчанию. Однако ее начальник прав: дружеским одолжением можно пользоваться пару месяцев, не больше.

Так ведь она и рассчитывала на пару месяцев! Отправляясь в Россию, Александра понятия не имела, как все пойдет, получится ли наладить контакт с семьей, найдется ли ей здесь место... Да ничего она не знала! И поначалу были сложности. Когда только Ян был рад ее видеть, она вполне допускала скорое возвращение в Австралию.

Но были важные расследования, долгожданное примирение со старшими братом и сестрой... был Андрей. Новая жизнь наложилась на старую, понадобилось сделать выбор, к которому Александра была не готова – и решила проскочить.

И вот именно теперь прошлое решило ее догнать... Почти символично.

Гайя наконец сообразил, что хозяйка перестала играть не просто так. Он уселся перед Александрой, тихо поскуливая. Сам того не зная, пес стал лучшим напоминанием о том, где ее истинное место.

– Это можно как-нибудь уладить? – напряженно спросила Александра. – Хотя бы на время...

– Времени и так прошло слишком много, сама понимаешь. Я не говорю, что ты должна все бросить и прямо сейчас бежать к самолету. Еще пара недель у тебя есть – на то, чтобы уладить все дела, но... Пришла пора возвращаться домой.

Глава 2

Детские смерти всегда были больше всего. Умом Ян понимал, что это не совсем профессионально, да и вообще, никому из жертв не хотелось быть убитым. Однако в гибели ребенка таилось нечто запретное на инстинктивном уровне. Не зря ведь звери в большинстве своем не трогают детенышей. Получается, когда ребенка убивают, да еще так жестоко, нарушаются все законы разом – и общества, и самой природы.

Тот ребенок из садовой скульптуры был совсем маленьким... Точный возраст пока установить не удалось, да и мумификация серьезно повлияла на тело. Но даже с учетом этого несложно было догадаться, что там, скорее всего, дошкольник. Такого убить – проще простого, ребенок себя не защитит... Это кем же нужно быть?

Ян подозревал, что подобные мысли появляются не просто так, потому что где-то глубинным инстинктам защитника почесаться захотелось. Он ведь по-прежнему общался с Алисой и ее дочерью. У него, как он ни старался, не получалось воспринимать Соню как своего ребенка. И все равно она нравилась Яну, она была забавной и смысленной, а главное, в ней воплощалась какая-то абсолютная, беззаветная тяга к жизни. Умение видеть чистую красоту, радоваться – Соня объединяла в себе все, что противоположно смерти... И тот ребенок, скорее всего, тоже. Но кого-то это не остановило.

Такое убийство особенно важно было расследовать, но пока ничего не клеилось. У экспертов работы было больше, чем достаточно, с таким случаем никто из них прежде не сталкивался. Ян подозревал, что, если он захочет их поторопить, его просто расфасуют по пробиркам, чтобы не мешал.

Поэтому пока приходилось работать с тем немногим, что было ему доступно. С сестрой Игоря Красовского, например. Ян сильно сомневался, что этой женщине может быть известно нечто важное. Сам Красовский, скорее всего, не знал, чем обладал, а уж Ирина, с которой он толком не общался, тем более. Но в этом деле приходилось продвигаться по миллиметру и наощупь, так что утром они с Александрой отправились в больницу.

Сестра по-прежнему казалась отстраненной – даже больше, чем вчера, что странно. Ян прекрасно видел, как сильно по ней ударила смерть отца. Догадывался даже, почему: эта потеря снова заставила ее вернуться в ту жуткую историю шестнадцатилетней давности. Однако постепенно Александра оправилась, вчера она была почти в порядке... А сегодня снова замкнулась в себе, словно обдумывая нечто бесконечно важное.

– Случилось что-то? – на всякий случай спросил Ян.

– А? – встрепенулась сестра. Она, все это время разглядывавшая золотой пейзаж за окном, будто только сейчас осознала, что она в Москве и наступила осень. – Я... Нет, все хорошо.

– Да уж, ты можешь претендовать на звание официального лица человека, у которого все хорошо.

– Не нуди, – отмахнулась Александра. – Уже и помолчать нельзя! Я о расследовании думаю, о чем же еще? Но толку от этого мало, потому и не болтаю.

Не о чем там пока было думать так напряженно. Казалось, что Александру тревожит нечто серьезное, почти пугает... Однако Ян решил, что так быть не может, это у него паранойя разыгралась. За ночь ничего не могло случиться – а если бы и случилось, Андрей бы предупредил его. Получается, дело и правда было в расследовании, да еще общем состоянии сестры.

Сам Ян не сумел бы толком описать, что почувствовал в день смерти отца. Как будто досаду... Это звучало глупо, даже эгоистично, и он не стал бы такое обсуждать, но сам-то знал прекрасно. Было ощущение, будто старик снова переиграл его. Взял и удрал, не признав вину, и что-то бесконечно важное так и осталось несказанным. Один упущенный разговор, один несо-

стоявшийся телефонный звонок, который теперь навсегда останется в памяти раздражающей фальшивой нотой... Но Ян мог с этим справиться, так что на него случившееся точно повлияло меньше, чем на Александру. Близнецы редко вот так расходились в отношении к реальности, поэтому он снова напомнил себе, что сестре нужно время, ничего больше.

Когда они добрались до больницы, Ирина Евсенко была более чем готова говорить. По хорошему, она могла бы отправиться домой и явиться в кабинет Яна, как ей и полагалось. Но она сама попросила врачей оставить ее в больнице. Здесь ей проще всего было прятаться от людей, обвинявших ее в том, к чему она не имела никакого отношения.

– Игорь всегда был проблемой, – горько усмехнулась она. – Но я не думала, что он продолжит мотать мне нервы даже после смерти...

Они расположились в широком больничном коридоре, на поскрипывающих деревянных креслах. Ян даже не брался угадать, сколько лет этой мебели. Годик-другой, и сойдет за музейный экспонат.

– Когда у него началась вся эта история с накопительством? – мягко спросила Александра. Она, похоже, окончательно стряхнула с себя утреннюю задумчивость и сосредоточилась на деле.

– Да вот как по голове получил, так и появилось желание копить... Но тогда мы это не сразу заметили.

Родился Игорь Красовский вполне обычным – не дураком, не гением, внимания он к себе не привлекал. Но как раз в канун совершеннолетия ему не повезло ввязаться в нелепую драку, из тех, причины которых в полиции потом не может объяснить ни один из участников. Кто-то что-то сказал то ли про девушку, то ли про мать собеседника – и понеслось... Вот только несерьезность ситуации порой не спасает от страшных последствий. Для того, чтобы перечеркнуть жизнь Игоря, хватило одного неудачного удара.

Сначала он оказался в больнице с серьезным сотрясением мозга, потом вышел – но стал другим. Неразговорчивым, замкнутым, страдающим от мигреней. Уже неспособным к обучению – и забывающим то, что он знал раньше.

– Семья того парня, который его ударил, так извинялась перед нами, первые годы и деньгами помогали, – вспоминала Ирина. – Ну а толку-то? Понятно, что никто не хотел Игоря калечить. Если бы все сложилось иначе, они с этим парнем уже на следующий день пили бы вместе пиво и ржали над тупыми анекдотами! Вот почему нельзя отменить одну секунду? Всего лишь одну проклятую секунду?

– Не знаю, – вздохнула Александра. – Но многие мечтают об этом.

После нескольких лет обследований Игорь получил инвалидность и небольшую пенсию. Тогда не хотелось верить, что это определит всю его жизнь, но изменить ничего не получалось. Он наотрез отказывался учиться и заниматься хоть чем-то путным. Зато он начал потихоньку наполнять свою комнату найденным на помойке хламом, утверждая, что в таком окружении голова у него болит куда меньше.

– Он не приносил домой все подряд, – уточнила Ирина. – Бывают, знаете, такие вещи, которые люди не в мусорный бак бросают, а рядом складывают – вдруг кому понадобится? Игорь копался как раз в таких вещах, но, опять же, забирал не все. Только то, что ему понравилось. Поэтому наша бедная мама и надеялась, что он не так уж плох, одумается еще.

Постепенно даже «красивого мусора» скапливалось слишком много. Мать Игоря попробовала выбросить сомнительную коллекцию. Сын, молчаливый и хмурый, все вернул. Тогда мать отослала Ирину на дальнюю помойку, туда, где Игорь точно не нашел бы свои «сокровища». Он обиделся – и за пару месяцев натаскал нового хлама.

– Эта карусель пару лет длилась: мама выбрасывала, он приносил. Потом стало ясно, что так больше продолжаться не может. Папа зверел все больше... Это ведь мне он папа, Игорю – отчим, у него другой отец, который давно умер... Папа всегда считал Игоря обузой, просто

маме об этом не говорил, любил ее очень. Но когда Игорь стал... таким, папино терпение окончательно лопнуло. Нам всем пришлось признать, что своими силами мы не справляемся.

Игоря отправили на принудительное лечение. Он вернулся из больницы спустя полгода – еще более замкнутым, но все так же рвущимся наполнять пространство вокруг себя избранным мусором. Конфликты в семье продолжились, Игоря вынудили отправиться на лечение уже добровольно.

– Но снова не помогло? – догадался Ян.

– Да и не могло помочь, думаю... Насколько я поняла, Игорю на этом лечении давали таблетки, и он становился сонным и безразличным ко всему. Вряд ли это могло исправить то, что с ним произошло. Но он здорово на нас обижался... Каждый раз, вернувшись, он разговаривал все меньше и вел себя все хуже.

– В смысле – хуже? – насторожилась Александра. – Переходил на агрессию?

– Нет, агрессии никакой от него никогда не было. Он протест по-другому выражал: больше мусора таскал, перестал мыться, не стирал одежду, такое вот. Он походил на бродягу... Да он и был бродягой, даже с пропиской. Понятное дело, папа психовал, мама очень нервничала... Думаю, это и свело ее в могилу раньше срока. Но я уехала еще до этого, вышла замуж, просто устала от скандалов...

– А он продолжил жить с родителями?

– Некоторое время, – кивнула Ирина. – Потом умерла бабушка, и он стал обладателем собственной квартиры. Сюрприз для всех... Хотя не такой уж большой сюрприз, если задуматься. Это была только его бабушка, не моя – по отцу. Она его всегда жалела. Она не очень-то участвовала в нашей жизни и была убеждена, что Игоря засовывают в психушку просто так, потому что он моему папе не родной. Жалела она его на расстоянии, потому что ценила свой комфорт и подселять к себе не хотела. Но когда она умерла, Игорь оказался единственным наследником.

Тогда и выяснилось, что Игорь сохранил достаточно интеллекта, чтобы оставить за собой щедрое наследство. Желающих обладать квартирой в Москве хватало, но он все оформил грамотно, он оплачивал счета, он радовался одиночеству.

Ну и конечно, он начал приносить в квартиру столь милый его сердцу мусор уже без ограничений. Это и стало основой его жизни – до самого конца.

– У него случались с кем-нибудь конфликты? – спросила Александра.

– Нет, он... Он как будто той дракой, в которой ему по голове дали, все свои драки завершил. Чтобы вы правильно понимали: даже когда мама и папа выбрасывали его хлам, он просто терпел. Недоволен был, конечно, хмурился, но никогда даже голос не повышал.

– А дети? Он проявлял к ним какое-то особое внимание? Не обязательно агрессию.

– Я с ним мало в последние годы общалась... Но пока тут, в больнице, лежала, сама об этом думала. Все вспоминала, как он относился к детям, когда с нами жил, что вообще было... Я ведь тоже хочу знать, мог он это сделать или нет!

– Ну и как, вспомнили что-нибудь? – поторопил ее Ян.

– Да ничего... Он не обращал на детей внимания. Говорят, что бывают сумасшедшие, которые с детьми ладят лучше, чем со взрослыми, да? Игорь не такой был. Дети интересовали его не больше, чем собаки или там жуки какие... Думаю, он усвоил, что за любое внимание к детям можно получить, и держался от них подальше.

– Но по какой-то причине он перед смертью направился именно в детскую поликлинику, – напомнила Александра.

– Тут все просто... Он поехал не в какую-то детскую поликлинику, а в ту, куда нас мама когда-то водила. Когда мы с Игорем все же общались, я замечала, что он хорошо помнит только события до травмы. Все остальное как будто стиралось, даже если произошло позже.

Ян был вынужден признать, что так вполне могло быть. Если с возрастом у Красовского действительно терялась связь с реальностью, он, получив тяжелое ранение, мог и вовсе позабыть о навыках взрослого человека. Поэтому он никого не попросил о помощи, поэтому не позвонил в Скорую – хотя мог бы! Его искалеченная память подбросила ему место, где раньше снимали боль. Туда он и отправился...

И это тоже доказывало, что на него никто не нападал, он покалечился сам. Нападавший не мог предугадать, как поведет себя человек с таким психическим расстройством. Он не стал бы рисковать, отпуская Красовского с места расправы. А вот если Игорь напоролся на стекло случайно, он мог встать и пойти к остановке, никто его не задерживал.

Значит, случайность. Тот, кто убил ребенка, даже не подозревал, что золотого ангела увезли со свалки и теперь тело обнаружено. Хотя скоро он наверняка узнает, это вопрос нескольких дней... Ян мог повлиять на журналистов, но не на соцсети. Об обнаружении мумифицированного тела знает семья Ирины, грузчики, соседи. Кто-то из них уже наверняка написал тот самый пост, который скоро начнут тиражировать – чтобы однажды о случившемся стало известно убийце ребенка. Так что к прочим сложностям прибавилось еще и убегающее время, просто замечательно...

– Общедоступность информации сильно переоценена, – проворчал Ян, когда они покинули больницу.

– Согласна, даже чтению нужно обучать после двадцати проверок на адекватность, – фыркнула Александра. – Но имеем то, что имеем. А конкретно по этому делу не имеем ничего.

– Как думаешь, есть шанс отыскать ту свалку, где Красовский раскопал статую?

– Чуть меньше, чем отыскать Атлантиду. Мы еще можем вычислить, на какой помойке его поджидало стекло, только нам это ничего не даст. А уж со статуей совсем труба – без точного срока... Но даже если бы мы посредством чуда и магии Рождества вдруг вычислили эту свалку, что с того? Найти тех, кто привез туда статую, вообще нереально.

– Твоя правда, – вынужден был признать Ян. – Просто раздражает, что мы так легко потеряли след...

– Это Красовского-то? Как бы цинично это ни звучало, его смерть была большим следом, чем его жизнь. Если бы он не умер, мы бы вряд ли узнали, что в садовой скульптурке прячут. А если бы он остался в живых... Полагаю, он и сам не вспомнил бы, где взял ангела. Нам пока остается только уповать на экспертов. Кто там работает с телом? Наташа?

– Да там целая команда, начальство тоже впечатлилось необычностью ситуации. Но и Соренко тоже, да.

– И что она говорит?

– Чтобы я шел к черту, – усмехнулся Ян. – Это у нее стандартная реакция на любой звонок с расспросами. Но она все понимает, как бы она ни ворчала. Насколько я знаю, она и по ночам там торчит... Как только что-то будет известно, она скажет.

Оба понимали, что нужно ждать – и обоим ждать не хотелось. Александра вызвалась лично осмотреть квартиру Красовского. Она и сама наверняка понимала, что это станет напрасной тратой времени, ей попросту не хотелось погружаться в менее значимые дела и бумажную волокиту.

Яну тоже не хотелось, но его никто не спрашивал. Он-то не изображал из себя международного стажера и не мог заниматься только тем, что нравится. Сейчас рутина даже спасала по-своему, отвлекала от куда менее приятных мыслей.

К обеду сестра не явилась, но он и не ожидал ее так скоро. Знал Ян и то, что Ева тоже не придет. За прошедшие месяцы она завела вдохновляющую привычку предупреждать его о своих отъездах из города, и сейчас был как раз такой случай. Ян не позволял себе обмануться, знал, что это еще не переход к нормальному поведению – однако определенно шаг в нужную сторону.

Так что обед он намеревался провести в одиночестве, и тем больше было его удивление, когда он обнаружил в зале кафе знакомую фигуру.

Филипп Беленков даже не притворялся, что зашел сюда случайно. Он сразу же кивнул следователю и направился к нему. Это было по меньшей мере странно.

Ничего похожего на приятельские отношения их не связывало. Да, общались они вежливо, почти дружески – просто потому, что было глупо открыто хамить друг другу без причины. Ян прекрасно знал, что перед ним преступник. Филипп, в свою очередь, догадывался о намерениях Яна. Нейтралитет между ними обеспечивался в основном тем, что Беленков отлично заметал следы, а у Яна не было времени гоняться за ним. Да и понимал он, что просто так связываться с откровенной мафией – почти смертный приговор. Ян не отказался от преследования семьи Беленковых, просто отложил это до тех пор, пока у него не появятся полноценные улики, с которыми можно работать.

Так что сегодня Филипп сумел застать его врасплох. Сам же Беленков удивленным или даже неуверенным не выглядел. Он улыбался – потому что улыбался всегда и всем. Взгляд, направленный на Яна, оставался холодным, открытое предупреждение о грядущей вражде.

– Ян, друг мой, рад, что пересеклись, – кивнул ему Филипп, усаживаясь за его столик без приглашения.

– А должны были?

– Пожалуй, должны были, раз ты старательно лезешь в мои дела. Не по-товарищески это, ты не находишь?

– Я? В твои дела?

– Ну-ну, не притворяйся, все же на виду!

Тут уже Ян насторожился. Семья Беленковых предположительно занималась уничтожением тел, этот бизнес начал еще отец Филиппа. А тело ребенка в садовой скульптуре спрятали, мягко говоря, небанально. Что, если одно связано с другим? Хотя то, как быстро Филиппотреагировал, поражало – Ян ведь даже не успел о нем вспомнить.

– Я до этого не связывал ребенка с тобой, – признал следователь. – Теперь буду, спасибо за подсказку.

Однако вместо того, чтобы разозлиться, Филипп удивился.

– Какого еще ребенка?

– В золотом ангеле.

– Каком ангеле, Эйлер, что ты несешь?

– А чего ты ожидаешь? Зачем-то же ты пришел ко мне.

– Да вот из-за этого!

Филипп открыл какую-то вкладку на смартфоне и повернул экран к собеседнику. Ян обнаружил фотографии пылающего амбара и заголовок статьи, намекающий на то, что случилось.

Похоже, с неделю назад кто-то поджег одну из ферм, принадлежащих семье Беленковых. А это означало не только непосредственные потери, но и повышенное внимание там, где внимания хотят избежать. И Ян, и Филипп прекрасно понимали, что такой пожар помешает нелегальному бизнесу семьи, заставит на время затаиться – и понести потери. Понимал это и тот, кто пожар устроил.

Вот только Ян о случившемся слышал впервые.

– С чего ты взял, что это я? Я тебя посадить хочу, а не огню предать.

– Больше некому, – холодно указал Филипп, убирая смартфон.

– Правда? Ты живешь такой добродетельной жизнью, что о тебе, как о покойнике, говорят только хорошо?

– Не выпендривайся, Эйлер. Как видишь, случилось все не вчера. У меня был список тех, кто мог это сделать, но за прошедшие дни все они сумели убедить меня, что непричастны. Все, кроме тебя.

– А я и убеждать не буду, – усмехнулся Ян. – Манию преследования лечи у других людей, не моя специальность.

– В твоих же интересах доказать мне, что ты тут ни при чем.

– В моих интересах доказать, что тебя нужно отправить за решетку и никогда не выпускать. Если это все, что ты хотел мне сказать, то можешь уверенно пересечь за соседний столик – вид из окна заслоняешь.

– Ты шутишь?

– Нет. Просто очень клены люблю.

Филипп больше ничего не говорил, но и не уходил. Он смотрел на Яна, словно надеялся увидеть насквозь, мысли прочесть, получить то самое признание – и просьбу о прощении. Ян же смотрел на него в ответ примерно как на муху, засыпающую между оконными рамами.

Он прекрасно знал, почему Филипп заподозрил его. Пожар действительно можно было рассматривать как незаконный, но вполне действенный способ устроить на ферме проверку. Обыск без разрешения, неожиданный, возможность получить улики, которые в иных обстоятельствах тщательно скрывались...

Но это если очень повезет, а Ян не любил делать ставку на везение, да и поджог – метод, от которого пованивает во всех смыслах. Так что либо коровник Беленкова, или где там все началось, загорелся сам, либо у Филиппа появился неизвестный враг. Однако доказывать все это следователь не собирался, потому что оправдания были слабостью, поведением подчиненного перед начальником.

Филипп наконец кивнул и поднялся из-за стола.

– Я тебя понял. Хорошо, что поговорили.

И слова эти вообще ничего не значили и уж точно не гарантировали, что дальше проблем не будет. Но изменить Ян пока все равно ничего не мог. В тот же день он рассказал о случившемся Александре. Она вполне резонно заметила, что Филипп не дурак и не истеричка, он к полиции без нужды не сунется, а подгоревший сарай нуждой не считается. Он начнет действовать, если диверсия повторится, до этого момента близнецы могли оставаться спокойны. Ян надеялся, что она права.

Ну а через пару дней их вызвала Наталья Соренко, и неприятная встреча с Филиппом отошла на второй план, постепенно растворяясь среди других событий.

Соренко с годами не менялась. При ее образе жизни и непреодолимой тяге к сигаретам многие пророчили ей страшные муки и незавидную участь. Но от таких предсказаний судмедэксперт отмахивалась, как от сизого дыма. Она будто замерла во времени, и весь мир двигался дальше, а она существовала в одном-единственном моменте, который в потенциале сулил ей бессмертие.

Близнецов она встречала на улице и даже с их появлением к двери не поспешила.

– Тут поговорим, – заявила Соренко. – Я по вашей милости и так слишком долго бетонной пылью дышу. Я чихаю лилипутскими кирпичиками!

– Это лишь означает, что у тебя в носу ведутся строительные работы, – рассудила Александра.

Однако сестра, как и сам Ян, прекрасно понимала, почему Соренко не хочется лишний раз оказываться рядом с детским трупом. Никому не хотелось. По работе это было неизбежно, но хотя бы начать беседу можно здесь.

– Мальчик, лет восемь-девять, – отчиталась Соренко. – Убит больше года назад, сразу после смерти помещен... вот в это.

– Смерть насильственная?

– Несомненно насильственная. Там вообще обнаружилось много всякого.

– А точно его год назад убили? – засомневалась Александра. – Я фото смотрела, там мумия выглядит какой-то древней...

– Для фильмов древние мумии лепят за два дня, но тебя вряд ли что-то смущает. Смотри, какое дело: практических сведений о том, что происходит с трупом в бетоне, не так уж много. Потому что нормальные люди случайно находят вещи поприятнее – монетки там, клады всякие или грибочки... То, что притаскиваете вы, встречается в мире нормальных людей нечасто.

– Это не мы нашли, – напомнил Ян. – И я не думаю, что даже с поправкой на нас ситуация уникальная.

– Тело в бетон суют так редко, что каждый пример уникален. Хотя кое-что я накопила, были исследования. Короче, взяли однажды трех свиней...

– Наташа! По делу.

– Нелюбознательный ты, – заключила Соренко. – Оттого в голове пустоты, а в пустотах – дурь. Но вернемся к нашему неприятному. При заключении тела в бетон возможны разные варианты, тут все зависит от состава бетона, герметичности бетонной капсулы, условий, в которых она потом будет находиться. Были случаи, когда мягкие ткани внутри превращались в, условно говоря, мыло. Но тут статуя, похоже, постоянно оставалась на воздухе, бетон вокруг тела замкнулся герметично, состав был подобран грамотно... Короче, бетонная оболочка способствовала выводу из трупа влаги, и вместо разложения произошла мумификация.

– Так от чего он умер?

Однако Соренко, обычно не любившая лишних слов, покачала головой и зажгла еще одну сигарету.

– Нет, погоди, о мальчике потом. Давай еще про бетон. Как вы думаете, – ваши два мозга как раз за один человеческий сойдут, – легко было сделать эту золотистую поделку или нет?

– Раз ты спросила, уже очевидно, что нет, – указала Александра. – Да и без твоих намеков можно догадаться. Я, если честно, все прикидывала, как это провернули... Нет, не представляю.

– Тебе и не надо, вы и так с особенностями оба, – хмыкнула Соренко, но тут же посерьезнела. – Права ты в одном: это ни черта не легко. Чтоб получился такой результат, недостаточно просто швырнуть тело в форму и сверху ливануть бетона.

– Тело закрепили в центре скульптуры, – кивнул Ян. – Как они умудрились?

– Сначала перевязали труп, чтоб он в позе зародыша оставался. Это было сделано сразу же после смерти, до окоченения. Поняли, что значит?

– Что они готовились к этому, – тихо ответила Александра. – Убивая его, они уже знали, как спрячут тело.

– Вот-вот. На этот раз вы откопали редкостных уродов, так что, будьте любезны, поймите их! Короче, сначала тело скрутили кожаными ремнями. Потом поместили в форму и закрепили в нужной позиции металлическими штырями.

– Я помню осколки, не было там никаких штырей, – нахмурился Ян.

– Ты лучше нос себе перебей, Эйлер, чем уважаемых людей перебивать. Дальше слушай. На подготовку указывает очень многое. У них была не только подходящая по размеру форма, но и нечто вроде вибростола, так, кажется, эта штука называется – она нужна для того, чтобы бетон плотно распределялся по форме, чтоб не было нежелательных пустот. Когда основная заливка была завершена, подсохшую скульптуру достали из формы, извлекли металлические штыри, отверстия заделали вручную. А, чуть не забыла: состав был подобран так, чтобы скульптура выдерживала подобные манипуляции и не трескалась. Для этого нужно нечто вроде пластика... у меня точное название там записано, потом вам отдам бумажки все. Ну и на финале эту хрень покрыли золотой краской, обеспечили пятна и сколы, чтобы она никому не понадобилась. Вероятнее всего, этот ваш покойный бомж вез статую не очень аккуратно, она тяжело-

вата для одного человека. Тогда она выдержала, но какие-то трещины могла получить. И когда грузчики, криворукие, как и все в этом деле, статую все-таки грохнули, она не выдержала. Но изначально она была крепкой, потому что сделанной с умом.

Тут Соренко замолчала, отвернувшись, с очевидной злостью затушила сигарету о ближайшую ступеньку. Она не стала продолжать, не объяснила, почему злится, однако это и так было на виду.

Точность исполнения, о которой она говорила, предполагала не только специальные знания. Во всем этом чувствовались опыт и мастерство. Если бы ребенка убили случайно и попытались в панике спрятать тело таким варварским способом, получилось бы куда хуже.

Тот, кто это сделал, прекрасно знал, как добиться нужного результата. Вряд ли это был дебют. А значит, где-то на свалках таких статуй может быть еще... Сколько? Десять, двадцать? Вся эта история казалась Яну чередой невероятных совпадений, когда он считал, что случай единичный. Но если предположить, что кто-то проделывал такое не раз, неудача с хордером превращается в неизбежную статистическую ошибку...

Мысли невольно скользнули к Филиппу Беленкову. В кафе он сделал вид, что не связан с золотым ангелом – а если соврал? Мог и соврать, нет у него причин говорить правду.

Впрочем, эта версия долго не продержалась. Ян вынужден был признать, что у семьи Беленковых избавление от мертвых тел уже много лет поставлено на поток и связано с их фермами. А все, что описала Соренко, требует специального оборудования и немало времени. Так что за созданием жуткой скульптуры наверняка стоит тот, кто считает себя художником.

А убийцей может оказаться как раз не он.

– Ладно, что уже тянуть? – тяжело вздохнула Соренко. – Идем.

– Насколько хорошо удалось сохранить тело? – спросила Александра.

– Больше всего оно пострадало при падении статуи. А дальше уже все было аккуратно...

Когда тело прятали, бетон прилегал к нему вплотную. После мумификации появились небольшие пустоты. Это по-своему помогло.

Как и большинство известных Яну судмедэкспертов, Соренко относилась к трупам со здоровым цинизмом. Это было необходимым инструментом сохранения психики: если бы она позволяла каждой трагедии себя задеть, никаких нервов бы не хватило. Мертвые тела Соренко рассматривала всего лишь как ресурс, который помогал восстановить справедливость и защитить живых.

А теперь все было иначе. Это стало понятно, когда они обнаружили, что тело ребенка накрыто простыней. Простыня была новой – ткань еще сохранила заломы, оставшиеся после упаковки. Ян не удивился бы, узнав, что Соренко побежала покупать эту простыню на собственные деньги, лишь бы не смотреть лишний раз на мертвого мальчика.

Картина и правда была жуткая, не похожая ни на что. Останки, уже обработанные и очищенные от бетона, даже настоящий труп не напоминали. Как будто декорация к какому-то фильму ужасов, да еще и не самому страшному... Но от этой невольной издевки над чудовищной смертью становилось только хуже.

На краю стола лежал большой конверт из плотной желтой бумаги. В нем обнаружили рентгеновские снимки, показывавшие, что целых костей в маленьком теле почти не осталось, и не во всем можно было обвинить грузчиков, уронивших скульптуру.

– Он умер от побоев? – тихо спросила Александра, тоже старавшаяся лишний раз не смотреть на труп.

– Задушили, – коротко ответила Соренко. И даже подобная немногословность выдавала, насколько ей тяжело.

– А переломы?..

– Были нанесены раньше. Так, ладно, сами вы ни хрена не угадаете, давайте по порядку.

Ян не стал указывать, что они не угадывать сюда пришли. Порой ему доставляло удовольствие препираться с Соренко – поэтому он и не ограничивался отчетами, как следовало бы, приходил лично. Но не здесь и не сейчас.

– Убили пацана где-то в июле, – продолжила Соренко. – Но не в этом июле, а год назад. За несколько месяцев до этого, в марте-феврале, с ним случилось нечто охренительно паршивое. Или избили, или с большой высоты упал, или машина сбила, что-нибудь такое. Но пацан это кое-как пережил, хотя и должен был остаться инвалидом. Возможно, и погибнуть, он был в таком состоянии, что и несколько месяцев спустя сложно было сказать, что с ним станет. Но кто-то решил не дожидаться финала и задушил мелкого раньше.

Ян, успевший хорошо рассмотреть снимок, видел, что она права. Кости уже срастались, хотя переломы определенно были сложными. Некоторые и вовсе восстановились, другие, возможно, ломали в хирургических условиях – чтобы подкорректировать. Что бы ни случилось с этим мальчиком, его не бросили, кто-то отчаянно боролся за его жизнь...

А потом все закончилось золотым ангелом.

– Что это? – Александра обвела пальцем пятно на снимке, обозначавшее серьезное разрушение позвоночника. – Это при падении статуи случилось?

– Нет, эта часть как раз при падении не пострадала. Похоже, там на позвоночнике стоял транспедикулярный фиксатор. В переводе на ваш язык это такая металлическая штучечка, которая поддерживает позвоночник после травмы. Перед захоронением, если это можно так назвать, фиксатор вырвали, причем довольно грубо.

– Зачем? – удивился Ян.

– Ну, видно, был там какой-то умник, который считал, что по этому фиксатору вы бы получили все паспортные данные пацаненка и вкусовые предпочтения его родни до пятого колена. Не знаю я, зачем, Эйлер. Зачем вообще все это делалось? Как по мне, удаленный фиксатор может рассказать немногим меньше, чем оставшийся.

С этим Ян был согласен хотя бы отчасти. Тот, кто избавлялся от тела, знал о мальчике очень многое. О таком фиксаторе просто так не догадаешься, нужно было получить от кого-то информацию – а передать ее мог убийца. Получается, он был знаком с ребенком, знал историю с травмой, полученной несколько месяцев назад, и мучительным лечением... Которое могло бы помочь! Яну доводилось слышать о том, что маленькие дети восстанавливались после очень тяжелых ранений. И этот мальчишка держался долго, а потом у него забрали все шансы.

– Голова сохранилась неплохо, – сказала Соренко. – Череп целый, ткани тоже... узнаваемы. Наши попытаются воссоздать на основе этого прижизненное изображение. Тебе пришлют, когда будет готово.

– Насколько оно будет точным?

– Как фоторобот примерно. На паспортное фото не рассчитывай.

Ян предпочел остаться в стороне, не подходить к останкам вплотную и уж точно не касаться. Александра решила иначе. Она остановилась у стола, наклонилась над телом, восстановленным из бетонных осколков. Ян не представлял, что она надеется там увидеть, но не торопил.

Когда они готовы были уйти, Соренко снова отправилась с ними к выходу. Она ничего не объясняла, но было заметно, что на свежем воздухе ей становилось легче – она словно скидывала с себя невидимый груз.

– Почти жалею о том, что не курю, – поежилась Александра, когда они оказались на улице. – Вот еще, хотела спросить... Как удалось определить, что он умер в июле – прямо с точностью до месяца?

– С точностью до месяца по телу нельзя, – отозвалась Соренко. – По телу можно только то, что примерно год назад. Дальше наши криминалисты расстарались.

– А они как сумели? – удивился Ян.

– Ну, не сами, конечно, а посредством правильной мотивации.

– Твоей, что ли?

– Представь себе. Это из вас я никак людей не слеблю, на остальных влияю. Не знаю, что ты там удумал, но я слежу за новыми подходами. Есть у меня подписка на пару журналов... Знаете вы, что такое научные журналы?

– Как наши комиксы, только много буковок и без картинок, – послушно отозвалась Александра.

– Ну вот. Короче, если там обнаруживается что-нибудь интересное, я беру черенок от швабры и гоняю наших криминалистов до тех пор, пока они это не освоят.

– Потрясающее сочетание инноваций и традиций, – оценил Ян.

– Когда понадобилось определить дату смерти пацаненка поточнее, я вспомнила статью о том, что с недавних пор открыта международная база пыльцы. А пыльца, чтобы вы знали, сохраняется не только непосредственно в носу, но и на костях. Даже у окаменевших жителей Помпеи удалось пыльцу из носа извлечь, представляете?

– Может, перейдем к тому моменту, когда ты взяла черенок от швабры? – предложила Александра.

– Я сейчас возьму его еще раз, если кое-кто не перестанет перебивать старших! Так вот, опуская подробности, которые вы все равно не усвоите, скажу: пыльца таки помогла. Мальчик умер в июле, а незадолго до смерти он бывал в месте, где много садовых цветов.

– Может, ты и место подскажешь? – без особой надежды спросил Ян.

– Может, за тебя и остальную работу выполнить? Нет, цветы там были самые обычные, ничего такого, что тебе бы адрес с кодом от подъезда подсказало. Я вам и так много дала, от этого и отталкивайтесь!

Она действительно подсказала много, тут спорить было сложно. С таким уже можно работать – как минимум определить, в какие сроки искать этого мальчика среди детей, пропавших без вести. Примерный портрет поможет сузить список кандидатов, ну а потом сведения об операции тоже пригодятся. Похоже, лечили ребенка в полноценной клинике, а не у шамана под кустом, так что все данные должны были сохраниться. Но это если он из Москвы или хотя бы из России... а если нет?

– Все это бред какой-то, – объявила Александра. – Я бы решила, что его пытались убить при первом нападении, которое было в феврале-марте. Но потом ведь из всех сил старались спасти! За ребенком, травмированным настолько тяжело, должны были следить... И вдруг – убили! Из больницы, что ли, выкрали? И никто из врачей не поинтересовался, что с ним стало?

– Ты намеренно запутываешь все еще больше?

– Это я так психую.

– Да я уже понял. Отложи, будь любезна, истерику в пакетик до лучших времен. Посмотрим, что нам даст портрет.

Ждать пришлось даже меньше, чем предполагал Ян: портрет они получили уже этим вечером.

Изображение было рисованным, скорее всего, неточным. И все равно в памяти оно невольно наслаивалось на искаженное смертью личико мумии, и от этого становилось не по себе. Мертвый мальчик напоминал непонятного зверька. Живой смотрел на мир огромными карими глазами – два омута на бледном треугольном лице. Тонкие черты, черные волосы, печаль, которой наверняка не было – и которую предпочел дорисовать художник, он ведь тоже все знал. А может, она просто чудилась, сложно сказать.

Портрет использовали для запуска программы распознавания лиц. Ян решил не ограничиваться теми, кто официально был объявлен пропавшими без вести – исчезновение мальчика вполне могли скрыть, Александра не зря об этом спросила. Программе предстояло искать похожих детей в социальных сетях, это показалось самым надежным.

И это же отняло куда больше времени, чем сканирование ограниченной базы данных. Результат был готов лишь к следующему утру – но определенно того стоил. Потому что помимо детей с жизнерадостных снимков, переполнявших социальные сети, программа обнаружила очень похожего мальчика и среди криминальных новостей.

Глава 3

Александра так никому ничего и не сказала – ни Пашке с Ниной, ни Андрею, ни даже Яну. Хотя должна была. Каждый из них имел право знать, и она это понимала, а поднять тему, которой никто не ожидал, все не решалась. Это оказалось куда сложнее, чем преследовать преступников в безлюдных лесах.

Одной из причин стало то, что она знала реакцию родных заранее. Стоило ей только заговорить о возвращении в Австралию, и они лишь засмеялись бы. Им показалось бы, что это шутка, что после всего случившегося невозможно рассматривать такой вариант всерьез. И под звуки их смеха Александра потеряла бы последнее желание объяснять, почему ей все-таки нужно вернуться.

Там, далеко за океаном, был ее дом – заново построенный на руинах прошлой жизни. Там ее ожидала блестящая карьера, о которой здесь не приходилось даже мечтать. Пока ей позволяли играть в стажерку, но, если бы она решила полноценно перевестись, никто бы ей не разрешил. В лучшем случае заставили бы проходить дополнительное обучение, в худшем – просто отказали бы. И с Гайей точно работать не позволили бы. Получается, все труды Эрика, обучавшего ее, оказались бы напрасными? Он ведь так гордился ею, она ему так много обещала... Александре казалось, что, отказываясь от работы в Австралии, она его подводит. Она уже отца подвела... Сколько можно разочаровывать мертвецов?

В то же время она понимала, каким грандиозным прощанием все это обернется, с кем-то – навсегда... Ян скажет, что будет приезжать, и он действительно будет, но не чаще раза в год. А старшие брат и сестра и того реже, племянники продолжают расти и каждый раз станут встречать ее новыми, дети так быстро меняются... О том, что произойдет между ней и Андреем, Александра и думать не хотела.

Поэтому она молчала, давала себе передышку перед неизбежным, надеялась, что правильные слова найдутся сами собой. Единственным, кто знал всю правду, был Гайя – и потому что подслушал телефонный разговор, и потому что за годы их знакомства показал себя великодушным хранителем секретов.

– Но ты ведь меня поддерживаешь? – задумчиво спросила Александра. – Я имею в виду, ты точно хочешь вернуться, там тебе однозначно лучше, чем здесь...

Гайя посмотрел на нее грустными собачьими глазами и выплюнул на пол непонятно откуда взявшийся пожеванный каштан. С учетом того, что пес последний раз был на прогулке вчера вечером, ситуация становилась особенно странной.

– Ты сколько таскал его за щекой? – присвистнула Александра. – Так, нет, я не хочу знать... И каштан – это не аргумент! Давай скажем всем, что ты захотел вернуться, а я просто решила подыграть, потому что я твой единственный опекун?

Динго привычно отмалчивался, зато из ванной выглянул Андрей.

– Ты что-то сказала?..

– Гайя ведет себя как белка.

– Ну... Он рыжий и пушистый, а у нас в квартире свобода самоопределения. Если он захочет использовать антресоли как дупло, мне все равно.

Александра невольно улыбнулась. Ей так хотелось все рассказать... А слова будто застряли где-то в груди мелкими осколками и никак не желали покидать ее.

Ну а потом позвонил Ян, и можно было снова сосредоточиться на деле – оно было достаточно важным для этого.

– У нас тут попадание не то что в десятку – в двадцатку и тридцатку. Скопом, – объявил брат.

Александра, разглядывавшая изображения на мониторе компьютера, напряженно кивнула. Сходство между рисунком и фотографией мальчика действительно оказалось поразительным. Хотя дело было не только в сходстве, в этой истории совпадало так много, что пройти мимо было нельзя.

Программа распознавания лиц подбросила им новости почти двухгодичной давности, рассказывавшие жуткую и необъяснимо странную историю.

Мальчика, похожего на портрет, звали Тимур Максаков. Он был сыном Максима Максакова – влиятельного и богатого бизнесмена, занимавшегося преимущественно торговлей машинами и грузоперевозками. Ребенок был поздний, долгожданный и бесконечно любимый, тут и гадать не приходилось: его отец постоянно говорил об этом в немногочисленных интервью. Многие называли Тимура единственным наследником семейного бизнеса: у Максакова была еще и старшая дочь от первого брака, но девушка родилась с синдромом Дауна, и никто не ожидал, что она станет управлять компанией.

Поэтому за юным бизнес-принцем внимательно следили, в шесть лет он пошел в элитную закрытую гимназию... а в девять едва не погиб.

Никто до сих пор не знал, что произошло в тот день. Тимур, обычно тихий, дисциплинированный и послушный, прогулял последний урок. Он покинул охраняемую территорию вместе с детьми из другого класса, у парковки не задержался – прекрасно знал, что его никто не встречает, за ним должны были приехать на час позже. Тимур никогда не возвращался домой сам, не было ни одного дня, когда его не встречал личный водитель. Мальчик, вероятнее всего, даже не сумел бы вернуться на общественном транспорте.

Он и не пытался, его путь лежал не домой. Тимур уверенно направился ко дворам, в которых он никогда не был. Местные камеры наблюдения, изредка ловившие одинокую фигурку, показывали, что он двигался один, испуганным не выглядел, не оглядывался по сторонам и не спрашивал дорогу. Ни у кого не возникло бы сомнений: мальчик знает, куда ему нужно попасть. Хотя потом никто в его семье так и не смог объяснить, что его там привлекло.

Тимура видели многие, но вполне обоснованно приняли за школьника, возвращающегося домой. Он без проблем миновал сложную паутину дворов и оказался на пустыре – когда-то там стоял небольшой магазин, потом его снесли, собираясь строить то ли новый супермаркет, то ли очередную жилую многоэтажку. Истинную цель никто так и не узнал, потому что дело почти сразу застопорилось, территорию даже не успели оградить забором после того, как вывезли строительный мусор.

Там, на этом пустыре, где машин никогда не было, Тимура и сбил автомобиль. На этой территории камер наблюдения не оказалось, люди туда тоже заходили редко – не днем так точно. Поэтому никто не видел, что именно произошло. Мальчика обнаружил мужчина, гулявший с собакой. Тимур был покрыт грязью и кровью, очевидно искалечен, и прохожему сначала показалось, что ребенок мертв. Но нет, остатки жизни в маленьком теле еще теплились, мальчика увезли в реанимацию.

Позже следствие установило, что ребенка сбили нагло и цинично, скорее всего – намеренно. Тимур стоял посреди пустыря, днем его можно было увидеть издали. Но кто-то все равно его сбил: грязь и остатки снега сохранили следы единственного легкового автомобиля.

Первый удар был несильным, он лишь свалил Тимура с ног. Возможно, оглушил... Александра надеялась, что оглушил. Потому что дальше автомобиль попросту переехал лежащего ребенка. Водитель продолжил движение, Тимур остался лежать на пустыре, истекая кровью – и все равно он был жив.

Врачи боролись за него много дней и каким-то чудом сумели спасти. Угроза смерти миновала, но уже было ясно, что прежним он не станет. Никто не брался сказать, когда Тимур очнется, что он будет помнить, сумеет ли двигаться – хотя бы чуть-чуть. Операции продолжались, однако прогнозы врачей становились все более осторожными.

Мальчик оставался единственным, кто мог четко объяснить, что он делал на том пустыре. Но он не приходил в себя, а у всех остальных не было вариантов. Над загадкой бились и следователи, и частные детективы, нанятые отцом ребенка, однако все оказалось напрасным. Тимур всегда был одиноким и замкнутым, он никому из школьных приятелей не доверил свои планы. Откуда он мог знать, что это приведет к таким чудовищным последствиям?

Основной версией следствия оставалась месть или преступная конкуренция. Такого маленького ребенка на пустыре можно было покалечить разными способами, однако преступник предпочел автомобиль – и бизнес Максима Максакова был связан с автомобилями. Поэтому полиция тщательно проверяла всех, у кого были даже незначительные конфликты с отцом мальчика, однако полноценных подозреваемых в этом деле так и не появилось.

Когда с Тимуром произошло несчастье, об этом говорили много и по-разному. В основном, естественно, с сочувствием. Однако проскальзывали в Интернете и публикации, в которых сквозило злорадство из-за участи, постигшей богатую семью. Такие зацепки следователи тоже не оставляли без внимания, но и там оказались в тупике.

Максим Максаков, придавленный горем, поначалу не обращал на эту информационную суету внимания, ему было не до того. Но когда он пришел в себя, публикации о его сыне резко прекратились везде – он сумел придушить даже обсуждение в социальных сетях, не говоря уже о более-менее серьезных СМИ. Последней новостью на эту тему стала короткая заметка о том, что Тимура вывезли на лечение в Швейцарию.

– Его покалечили в марте, – указала Александра. – Это сходится с тем, что сказала Наташа Соренко.

– Ага, только больше ничего не сходится, – мрачно заметил Ян.

В новостях не было никакой информации о смерти ребенка. Наоборот, последние сообщения подтверждали, что он будет жить, пусть и не слишком хорошо. После этого Тимур Максаков полностью исчез из информационного пространства.

Однако даже если бы он умер... С его телом не могли поступить вот так! Зачем родителям избавляться от трупа? Они пытались спасти Тимура, и, если бы тот, кто напал на него, все-таки вернулся и задушил ребенка, они наверняка организовали бы полноценное расследование. Так что Тимур подходил на роль мертвеца, обнаруженного в золотом ангеле, и вместе с тем это никак не мог быть он.

Дело усложнялось еще и тем, что семья Максаковых жила в Подмосковье, найти официальные данные оказалось сложно. Яну удалось добыть лишь отчет о травмах, полученных Тимуром в марте – и эти травмы во многом совпадали с повреждениями, которые Соренко обнаружила у мумии.

– Или я схожу с ума, или весь мир. – Ян раздраженно отбросил очередную распечатку, устало потер глаза рукой. – Это же он! Но он вроде как не умирал... И уж точно его не засунули бы в садового пупса!

– Слушай, зачем мы вообще гадаем? – спросила Александра. – Тут часа полтора пути от силы. Поехали поговорим с ними!

– На каком основании?

– Да просто расспросим, что с Тимуром случилось!

– Александра, ты и сама знаешь, что так дела не делаются.

– Даже если это самый простой способ сделать дела, – проворчала Александра. – Ну а то, что программа распознавания лиц навела нас на Тимура, разве не основание?

– Если я сейчас сделаю твое фото и загружу в эту программу, она выдаст мне человек пятнадцать, которые могут быть тобой. И не факт, что это будут только женщины. У нее заявленная точность, по-моему, семьдесят процентов, если не ниже.

– Хорошо, но, может, Максаковым самим будет интересно это все узнать?

– С чего бы? Почти два года прошло, их сын не числится даже пропавшим без вести, а уж тем более убитым. Это не те люди, к которым можно просто завалиться с такими расспросами.

– Тебе нельзя, товарищ полицейский, – усмехнулась Александра. – А мне можно.

– С чего это?

– Поеду туда как частное лицо. Не допрашивать, просто погуляю по улице, Гайе позволю побегать. Ну а если пересекусь с кем-то из Максаковых – почему бы не заговорить?

– Сомнительная идея, – оценил Ян.

– У тебя есть лучше?

– Нет. Поэтому я тебя не останавливаю.

Из памяти с комариной назойливостью рвалась мысль о том, что в Австралии ей не пришлось бы сталкиваться с такими проблемами. Если так нужно для расследования, она поехала бы и поговорила – не вопрос!

Александра прекрасно понимала, что она идеализирует Австралию. Скорее всего, ей бы и там не позволили просто так беспокоить семью, пережившую трагедию. А если бы она попыталась сделать это самовольно, на нее могли и в суд подать. Но Александра сейчас была в таком настроении, когда прекрасное далёко виделось совсем уж безупречным.

Брат все-таки дал ей нужный адрес, и это было важнее всего. Александра оставила Яна в участке, но сама поехала не к Максаковым – не сразу. Сначала она направилась домой, чтобы захватить с собой Гайю, а заодно собрать хотя бы минимальную информацию о людях, с которыми ей предстояло говорить.

Максиму Максакову в этом году исполнилось пятьдесят четыре – Тимур и правда стал для него поздним ребенком. А выглядел уважаемый бизнесмен даже старше своих лет. Интервью он давал редко и строго контролировал информацию, которая появлялась о нем в общественном доступе, поэтому никаких сведений о его здоровье там не было. Однако Александра не сомневалась, что он болен, причем серьезно, хотя и не бралась сказать, чем именно.

Мать Тимура была значительно младше своего мужа. С постановочных фотографий в деловых журналах на Александру смотрела удивительная красавица, будто шагнувшая из другого мира и времени. Вера Максакова куда гармоничней смотрелась бы не в деловых костюмах, а в платьях Викторианской эпохи. Аристократичной бледностью и тонкими чертами она уже отличалась, а если собрать длинные темные волосы в строгую прическу, однозначно придворная дама получится. Сын был на нее похож – особенно огромными печальными глазами.

О старшей дочери Максакова иногда писали, но на семейных фотографиях ее почти не было. Александре удалось обнаружить лишь снимок пятнадцатилетней давности, на котором Таня Максакова была совсем маленькой и позировала с тогда еще живой матерью, первой женой Максима. Ее судьбу Александра тоже не выяснила, но решила заняться этим позже. Снимок лишь показал ей, что светловолосая Таня обладала теми специфическими чертами, которые быстро выдают синдром Дауна.

До трагедии Максим допускал интервью и официальные фотосессии, пусть и редко. После того, что случилось с Тимуром, это прекратилось – и не возобновилось до сих пор, хотя прошло полтора года, даже больше. Александре было любопытно, почему.

По дороге к поселку она размышляла о случившемся и все больше укреплялась во мнении, что в статуе нашли именно Тимура. Его все-таки убили... Может, похитили? Выкрали из больницы, избавились от него, но не отдали даже тело, чтобы поиздеваться над родителями? Вот только почему тогда Максаков ничего не сообщил полиции? Или сообщил – но велел засекретить дело так, что даже Ян не смог добиться официальных сведений? Да ну, голливудщина какая-то... А с другой стороны, как еще это объяснить? Не может быть, чтобы в золотом ангеле оказался точно такой же мальчик с точно такими же травмами – но не Тимур Максаков.

В поселок Александра въехала уже с уверенностью, что ей предстоит беседовать с родителями мертвого ребенка. Она еще не знала, как начнет разговор, но в этом точно не сомневалась.

Поселок, в котором жила семья Максаковых, оказался открытым – без внешнего шлагбаума и какой-либо охраны на въезде. Здесь каждый отвечал за свою безопасность, и просторные особняки настороженно выглядывали из-за глухих двухметровых заборов. Впрочем, ощущения того, что тут всех боятся и всем не рады, не было. Даже с внешней стороны заборов улочки оставались чистыми, ухоженными, на газонах стояли садовые скульптуры, которые никто не собирался красть. Александра поймала себя на том, что ей неприятно видеть всех этих отлитых из бетона гномиков и зверюшек – хотя они были слишком маленькими, чтобы таить в себе зловещие секреты.

Она оставила машину у обочины, на всякий случай взяла Гайю на поводок и теперь вместе с ним неспешно прогуливалась по улице. Она не спешила к дому Максаковых, она ждала вдохновения, подсказки от мироздания, удачи... Максима, скорее всего, нет, он на работе. А вот Вера может быть дома – или, как вариант, хозяев дома нет, есть какая-нибудь прислуга, это даже лучше...

Повернув за угол, Александра увидела дом Максаковых. Коттедж был просторным, но не больше и не дороже остальных, он в поселке не выделялся. Забор возле него был высоким, однако не глухим – изящная кованная ограда, через которую хорошо просматривался участок. Александра даже издали сумела разглядеть небольшой декоративный прудик, над которым склонилась старая ива, и россыпь поздних осенних цветов, которые среди пожухшей травы напоминали разноцветные звезды.

Александр невольно вспомнились слова Соренко о том, что незадолго до смерти мальчик бывал там, где много цветов. Этот сад вполне подходил...

От размышлений о цветах Александру отвлекло движение на участке. Похоже, удача все-таки решила улыбнуться ей: во двор вышла Вера Максакова собственной персоной. В реальности женщина уже не казалась такой безупречной аристократичной красавицей, как на фото. Ее бледность граничила с болезненно серым оттенком кожи, под глазами залегли зловещие тени, волосы, собранные в небрежный пучок, смотрелись тусклыми и редкими. Спортивный костюм из плотной ткани вроде как должен был полнить, а вместо этого он делал тонкую фигуру Веры особенно хрупкой. Казалось: женщине нужно двигаться очень осторожно, потому что, если она упадет, она точно разлетится на сотни хрустальных осколков...

Это удивляло, но по-настоящему не тревожило. В конце концов, кто из нас действительно похож на торжественную фотографию, сделанную профессиональным фотографом? Вера сейчас была не накрашена, она ни к чему не готовилась, просто вышла из дома и все. Так что не следовало искать в ее внешности намеков на затаенное горе, Alexandre важнее было найти повод для разговора.

Но прежде, чем придумался хотя бы один достойный вариант, у Веры появилась компания – и Alexandre стало уже не до бесед по сценарию.

Из дома выбежал ребенок – и это, вне всяких сомнений, был Тимур Максаков, просто чуть старше, но так и положено, ему уже исполнилось десять. То же тонкое треугольное лицо, те же темные волосы, падавшие на глаза. Исчезла разве что необъяснимая, совсем не детская печаль: мальчик вылетел из дома с радостными воплями, явно обрадованный прогулкой. Вопреки прогнозам врачей, двигался он вполне уверенно, хотя заметно прихрамывал. Но по сравнению с тем, что ему пророчили жизнь в инвалидной коляске, эта хромота казалась такой мелочью!

Мальчик обрадовался еще больше, когда увидел Гайю. Прежде, чем Александра и его мать успели сообразить, что происходит, Тимур вырвался с участка и устремился к динго. Гайя, который был далеко не обожающим детей лабрадором, а диким псом, пусть и хорошо обучен-

ным, послушно замер на месте, с немым упреком косясь на хозяйку. Одного движения челюстей хватило бы, чтобы Тимур остался без руки. Но сам Тимур, без сомнений бросившийся гладить пса, об этом даже не догадывался.

– Мама, смотри какой! – завопил он, хотя мать услышала бы его и при куда меньшей громкости. Гайя раздраженно прижал уши к голове. – Я же говорил, нам нужна собака! А как его зовут?

– Гайя, – подсказала Александра, напряженно разглядывая мальчика.

Это и правда был Тимур... Но как такое возможно? Неужели Ян был прав и программа распознавания лиц ошиблась? Так ведь были еще травмы, совпадающие сроки... Александре казалось, что она попала в параллельную реальность, где есть свой Тимур, существование которого не противоречит тому, что еще один Тимур Максаков был убит и спрятан в садовой скульптуре.

Вера, сначала растерявшаяся даже больше, чем Александра, поспешила выйти на улицу.

– Тимур, хватит! – строго велела она.

– Но он же такой пушистый! Его зовут Гайя! Мам, давай заведем такого же!

Глядя на фотографии Тимура, с его черными озерами глаз, с его недетской серьезностью, невозможно было догадаться, что на самом деле он такой – эмоциональный и шумный, как и положено здоровому десятилетнему мальчику. Хотя, возможно, он и не был таким, это прикосновение смерти заставило его по-настоящему полюбить жизнь. Обычно подобное свойственно взрослым, так ведь далеко не каждый ребенок сталкивается с настолько чудовищными травмами!

– Отойди от собаки, – ледяным тоном приказала Вера.

Вот теперь Тимур послушался. Он бросил на Гайю разочарованный взгляд, но все же отошел. Гайя поспешил спрятаться за хозяйку.

– Ну почему мы не можем завести такого? – проворчал мальчик.

– Потому что за такой большой собакой тяжело ухаживать, а Егор Павлович пока запрещает тебе серьезные нагрузки.

– Да что там этот Милютин знает!

– Тимур! – Вера заметно повысила голос. – Как тебе можно доверить собаку, если ты даже не научился уважать своего врача?

– Это вообще другое!

Тут Александра была на стороне мальчика: одно и правда с другим не вязалось. Но она пока не вмешивалась, продолжая наблюдать. Если бы она не знала, что Вера – мать Тимура, она бы решила, что это нянька или репетитор. За все время разговора женщина ни разу не коснулась сына, даже за руку не взяла, обнимать его она не собиралась. И судя по поведению Тимура, он к такому привык.

– Марш делать уроки, и когда я увижу, что у тебя снова нормальная успеваемость, мы вернемся к разговору о собаке.

– Правда? – оживился Тимур.

– Ты запомнил только ту часть, где про собаку, и пропустил мимо ушей упоминание уроков, да?

– Ничего я не пропустил! В конце четверти увидишь, вместе собаку выбирать будем! Хочу вот такую!

Словно стараясь подчеркнуть силу своих желаний, Тимур быстро потрепал Гайю по ушам. Но увидев, что мать хмурится сильнее, мальчик рванул обратно к дому. Вера не торопилась следовать за ним, она повернулась к Александре.

– Извините, неловко получилось. Он у нас... гиперактивный.

– Ничего страшного, мы с Гайей к такому привыкли, здоровая детская реакция.

– Пес у вас действительно интересный... А что это за порода? Сибя-ину какой-нибудь?

– Это австралийский динго.

– Правда? – удивилась Вера. – Я не знала, что их дома держат!

– Обычно не держат, мы с Гайей просто... удачно встретились. Но это точно не та собака, которую я бы рекомендовала заводить для ребенка.

– Да этому ребенку никакую не нужно, меньше слушайте его! Он что видит – то и хочет. Увидел собаку – хочет собаку. Увидел велосипед – хочет велосипед. А нельзя ему ни то, ни другое.

Разговор неожиданно двинулся в нужную сторону, и Александре потребовалось немало сил, чтобы по-прежнему вести себя как безразличная случайная прохожая.

– Даже велосипед нельзя? В строгости вы его держите! Мне кажется, такому активному мальчику велосипед бы на пользу пошел.

Но Вера, увы, уже опомнилась, сообразила, что беседует с незнакомкой.

– Ему по состоянию здоровья нельзя. Извините, что задержала вас, всего доброго.

Не дожидаясь ответа, она вернулась на участок и заперла за собой калитку. Александре тоже нельзя было задерживаться, это вызвало бы подозрительность со стороны хозяйки дома. Поэтому она двинулась дальше, обдумывая все, что узнала сегодня. Вроде как немного – и вместе с тем больше, чем ожидала.

Главная новость заключалась в том, что Тимур Максаков жив. Александра уже укрепились в мысли, что в золотом ангеле спрятали именно его тело, и это открытие стало для нее настоящим шоком. Хотя, если задуматься, тут она сама виновата: удивилась, когда рассыпались ее же фантазии!

Вторым открытием оказалось то, что Тимур почти здоров. Прошло больше полутора лет, но это ничтожный срок для ребенка с такими травмами. Конечно, Вера несколько раз намекнула на то, что он тяжело болен. Так разве способен травмированный ребенок двигаться настолько легко и быстро? Странно все это...

Ну и третьим открытием стал сам Тимур. Это был тот же мальчик – и вместе с тем как будто другой.

Разобраться с этим самостоятельно Александра даже не надеялась. Из поселка она поспешила обратно к брату и передала ему все подробности встречи. Вот только Ян, которого отвлекли и документы, и какие-то звонки, впечатлен не был.

– Значит, пацан не тот, будем искать в другой стороне.

– И это все, что ты можешь сказать по ситуации?

– Хотелось бы сказать больше, – вздохнул Ян. – Но чтобы сказать больше, нельзя тратить время на заведомо ложную версию. Или ты предполагаешь, что Максаков клонировал собственного сына, здорового клона оставил себе, настоящего Тимура убил и залил бетоном?

– Слушай, ну не надо утрировать, не смешно...

– Согласен, не смешно. Но так ли я утрирую? Что еще возможно на основании твоих догадок?

Здесь уже Александре нечего было ответить. Даже если бы Максим Максаков по какой-то причине решил убить сына и заменить похожим мальчиком, что само по себе дико, он бы обеспечил своему ребенку достойное погребение. Все их совместные фотографии дарили впечатление, что Максим действительно любил Тимура, он бы не поступил с мальчиком... вот так.

Ян был прав, нужно было отступить, а Александра не могла. Она засела за компьютер, открыв все известные ей соцсети. У Веры Максаковой собственного профиля не было, у ее мужа – тем более, в этом плане семья жила замкнуто. Зато у Веры были подруги, которые от соцсетей как раз не отказывались. Поэтому сначала Александра нашла снимки со светских мероприятий, на которых было ясно, с кем Вера общалась больше всего – в этом кругу многие ведут публичный образ жизни.

Ну а потом требовалась скорее усидчивость, чем изобретательность. Александра находила нужные профили и отсматривала все снимки с дней рождения, новогодних вечеринок, школьных собраний. Вера и Тимур пусть и изредка, но появлялись там – не позирующие, настоящие, это было важнее всего.

Сперва Александру не покидало ощущение, что Ян прав и она понапрасну тратит время. Но чем больше фотографий она видела, тем сильнее становились подозрения в ее душе. Хотелось сразу бежать к брату и все ему объяснить, а она сдерживалась. Ян при всем желании не помог бы ей сейчас – зато помочь мог кое-кто другой.

Поэтому Александра дождалась, когда домой вернулся Андрей, и рассказала ему о странном деле. Она и раньше не скрывала от него, какими расследованиями занимается, однако никогда не пускалась в такие подробности. Он, конечно же, все заметил.

– И почему меня не покидает ощущение, что тебе сейчас не только мое мнение понадобится? – усмехнулся Андрей.

– Потому что ты проницательный, – рассудила Александра. – Мне нужно больше медицинских сведений о Тимуре.

– А мне их откуда взять? Я ветеринар, вообще-то.

– Ой, давай не будем!.. Как будто ты не знаком с другими врачами.

– Я, конечно, понимаю, что в твоём мире мы все, как грибы, растем из одной грибницы... Но я тебя расстрою: далеко не все московские врачи знакомы друг с другом.

– Если я правильно запомнила, его лечащего врача зовут Егор Павлович Милютин.

– Это ни о чем мне не говорит.

– Так надо же поискать! – настаивала Александра. – Я больше чем уверена, что за Тимуром не в обычной городской поликлинике наблюдают. Неужели так много элитных детских клиник? И этого врача не найти?

– По-моему, ты слабо представляешь, о чем просишь.

– Я прекрасно знаю, о чем прошу. И если бы речь шла о моем любопытстве, я бы не втягивала тебя в это. Но я чувствую: рано бросать эту версию, тут точно что-то есть!

– Ладно, – сдался Андрей. – Посмотрим, что я смогу сделать.

Александра не пыталась ему польстить, она действительно осознавала, насколько это сложно – строить цепочку связей с человеком, о котором ты услышал впервые, но от которого тебе нужна конфиденциальная информация. Однако не солгала она и в том, что это действительно необходимо. Многочасовое изучение соцсетей подталкивало к этому, потому что там Александра обнаружила немало подозрительного.

Тимур действительно был любимым ребенком. До трагедии родители старались проводить с ним как можно больше времени. Отец всегда находил в загруженном графике хотя бы один день в неделю, чтобы побыть с сыном. Мать не спускала Тимура с рук, обнимала и целовала, никого не стесняясь. Но это совершенно не сходилось с тем, что увидела Александра: Вера не то что упустила все возможности обнять сына, она будто намеренно старалась не касаться его. Хотя, по идее, должно быть наоборот... Она едва не потеряла его, он чудом встал на ноги! Разве не должна была она теперь ходить за ним мамочкой-наседкой?

Должна была – если только не знала, что это не ее Тимур. Это чужой мальчик, занявший его место, и Вера вынуждена участвовать в чудовищном спектакле. Ее каким-то образом заставили делать это, а заставить любить не смогли.

Немало вопросов вызывал и сам Тимур. Судя по тому, что никакого громкого расследования не было, он так и не рассказал, зачем пошел на тот пустырь и кто его чуть не убил. Но это ладно – после таких чудовищных травм он мог и забыть. А вот как он изменился до неузнаваемости? На фото и видео из прошлого Тимур представал болезненно стеснительным ребенком, который постоянно жался к матери и не спешил играть с другими детьми. Если ему

нужно было что-то сказать, он застенчиво шептал это на ухо Вере. Теперь же он носился, как угорелый, и вопил безо всякого смущения.

Тимур был слишком мал, чтобы осознать пролетевшую мимо смерть и оценить вкус жизни. А если бы он вдруг дозрел до этого, повзрослев раньше срока, изменил бы он свою суть? На видео и в реальности Александра видела представителей двух разных психотипов.

В то же время она понимала, насколько невероятно ее предположение. Чудовищно даже... Александра чувствовала, что ее собственное подсознание сопротивляется этому, твердит, что так нельзя, отрицает саму попытку поверить, что родители способны так поступить со своим ребенком. Версия казалась ей карточным домиком, готовым рассыпаться под первым же порывом ветра, поэтому ей остро нужна была подсказка от Андрея, чтобы получить право двигаться дальше.

И Андрей не подвел. Он вернулся поздно, ближе к одиннадцати, и казался непривычно уставшим. Но он все равно протянул Александре распечатанную на принтере медицинскую карту, сопроводив подношение укоризненным взглядом. Взгляд Александра проигнорировала, а карту взяла.

– Ты все-таки нашел доктора Милютину, и он оказался открыт к сотрудничеству? – полюбопытствовала она.

– Я все-таки нашел доктора Милютину, и он оказался нормальным врачом. Поэтому он понятия не имеет, что я интересовался его пациентом, да и не должен узнать.

– А бумажки откуда?

– Его медсестра чуть менее принципиальна.

– Я тут ничего не понимаю, – пожаловалась Александра, возвращая карту. – Ну, или почти ничего... У Тимура был сломан позвоночник, но сейчас мальчик бегает!

– Не сломан, а травмирован, – поправил Андрей. – Милютин ведет Тимура примерно год. Он не хирург, а терапевт, операции проводил не он. К нему Тимура привели уже подлеченным, просто чтобы следить за дальнейшим состоянием, назначать общую реабилитацию. Судя по тому, что я увидел, Тимур летом прошел очень серьезное лечение, местами даже инновационное, а к осени попал к Милютину.

– Это вот сейчас ты мне скажешь, что я ошиблась и полезла туда, куда не нужно?

– Скажу. Но это не критика ради критики, я прекрасно понимаю, что ты не можешь отнестись к такой версии спокойно. Поэтому и нужно признать, что нет никакой версии. Тимур просто выздоровел – детский организм на многое способен.

Александра не спешила отвечать. Она достала смартфон и нашла в галерее фотографии документов, которые видела в кабинете Яна – тех самых, в которых описывались травмы Тимура, полученные после наезда автомобиля. Она протянула смартфон Андрею.

– Посмотри, пожалуйста. А потом скажи мне, – как врач, а не как скептик, – можно ли из вот такого состояния дойти до такого, – Александра указала на распечатку медицинской карты.

– Почему ты так держишься за эту версию?

– Потому что иногда самые страшные преступления прячут за их чудовищностью. Все на виду, но люди не верят, что кто-то способен быть таким монстром. В итоге преступник остается безнаказанным больше из-за наглости, чем из-за мастерства. А теперь посмотри.

Кто-то другой наверняка пошел бы на принцип – скользнул бы взглядом по снимкам для приличия, а потом все равно принялся бы настаивать на своем. Но Александра прекрасно знала, что Андрей так не поступит. Она ждала.

Со стороны наверняка казалось, что она спокойна и уверена в себе. Однако на самом деле ей до такой уверенности было далеко, тревога не отпускала – слишком сильная, подпитанная многими неприятными событиями, произошедшими в жизни Александры в последние недели. Если бы оказалось, что она ошиблась настолько сильно, что инстинкты вот так ее подвели, она усомнилась бы в собственной адекватности.

Однако, чем больше хмурился Андрей, глядя то на экран, то на бумагу, тем спокойней становилось на душе у Александры.

– Не сходится, ведь правда? – невесело улыбнулась она.

– Ну... не совсем.

– Насколько «не совсем»?

– То, что врачи описали сразу после аварии, намного серьезней, чем то, на что ссылается нынешний врач Тимура, – признал Андрей.

– Можно предположить, что дело в прошедшем времени и полученном лечении?

– Нет. Разница в самих травмах – взять хотя бы то, что после аварии речь шла о переломе позвоночника, а по сведениям Милютина позвоночник Тимура остался цел.

– А при этой первоначальной травме... Тимуру могли установить транспедикулярный фиксатор? – тихо спросила Александра.

– В материалах Милютина сведений о таком фиксаторе нет.

– Андрей, я тебя не о том спросила.

– Могли, – кивнул он. – И я бы даже это рекомендовал... Но при этом для лечения той травмы, о которой пишет Милютин, никакого фиксатора не нужно, лишнее это.

– Ну вот и все. Это не тот мальчик.

– Могут быть и другие варианты, – смутился Андрея. – Это же все... Не бывает так!

– Какие еще варианты?

– Неверным может оказаться как раз изначальный отчет врачей. Они могли намеренно сгустить краски по заказу Максакова, чтобы водитель, когда его все-таки поймают, получил более серьезное наказание. На самом деле травмы Тимура были опасны, но не настолько.

Александра понимала, почему он не хочет верить. Андрей и сам был врачом – да и просто хорошим человеком, который старался держаться подальше от криминала, даже когда жизнь делала это предельно сложным. В версии Александры приходилось принимать слишком много худших сторон человеческой природы, вот он и сопротивлялся до конца.

Александра открыла отчет Натальи Соренко, который переслал ей Ян, и показала Андрею.

– А как тебе это? Вот это может быть закономерным состоянием мальчика, который получил при аварии как раз те травмы, прошел определенное лечение, но так и не выжил? Кто из этих мальчиков больше похож на пострадавшего в аварии Тимура Максакова – этот, мертвый, или пациент Милютина?

Здесь даже Андрей вынужден был сдаться. Травмы совпадали настолько идеально, что держаться за версию с совпадением или неверными выводами врачей больше не получалось.

– Мертвый, – ответил Андрей. – Что ты намерена делать дальше?

– Я пока не знаю, официальных оснований для возбуждения дела против Максакова пока что нет... Но просто так я это уже не оставлю.

Глава 4

Большую часть времени близнецы были на одной волне, однако Яна не удивляло то, что они настолько сильно разошлись во мнениях сейчас. Версия, которую предлагала Александра, казалась не просто жестокой – бессмысленной в своей жестокости.

Если Максаковы хотели избавиться от сына, им не нужно было убивать его, достаточно было просто не лечить. Если же кто-то из них убил ребенка случайно или из жалости, спасая от незавидного будущего, скрыть это можно было куда проще, без постановок с садовыми скульптурами. Мальчик был в тяжелом состоянии, все это знали. Если бы он погиб, несчастным родителям не стали бы задавать лишних вопросов.

Но вся эта история с подменой... немисливо сразу по многим причинам. Поэтому Ян и не готов был верить. Что же до упрямой веры Александры... тут тоже все по-своему логично. В истории его сестры было нечто общее с историей Тимура, хотя сама Александра не указывала на это. Возможно, она даже не замечала.

Ее ведь тоже в свое время «заменяли». Отец притащил откуда-то труп, отдаленно похожий на Александру, назвал ее именем – и все поверили. Никому и в голову не могло прийти, что Михаил способен врать о таком. С Тимуром поступили так же, если не хуже. Мальчика просто стерли из реальности, его смерть оставили незамеченной, его страдание закрасили радостью от «чудесного выздоровления». У родных и близких отняли право плакать о нем. Возможно, Александра не проводила такую параллель, однако на уровне подсознания наверняка заметила сходство.

Оставалось понять, что же делать теперь – когда сделать ничего нельзя. Официально семью Максаковых ничто не связывало с мумифицированным трупом. Их ребенок был жив и здоров, не было ни одного указания на их причастность к убийству мальчика, до сих пор числившегося неизвестным. Что можно было использовать против них, портрет? Сойдет за подтасовку. Работу программы распознавания лиц? Ян сказал сестре правду: никто не воспринял бы такую программу как улику, слишком уж низкий процент точности. Медицинские документы, добытые откровенно незаконно? Это скорее принесет вред Андрею, чем пользу расследованию.

Самый простой путь к правде казался очевидным: провести тест ДНК, доказать, что мумифицированный ребенок – это Тимур Максаков, дальше действовать уже со знанием этого. Вот только Ян не видел ни одного способа принудить родителей мальчика к такому тесту, а сами они вряд ли согласятся. Александра считала, что как минимум мать Тимура знает правду. Так что действовать нужно было осторожно.

Даже Александра, обычно рвущаяся вперед без оглядки, здесь вынуждена была притормозить – но не сдать. Она куда-то уехала, а вернулась через пару часов, довольная, и продемонстрировала брату связку ключей.

– По-моему, ты воспринимаешь фразу «ключ к разгадке» слишком буквально, – проворчал Ян. – Это еще что такое?

– Мое место жительства на ближайшие дни. Я понимаю, что мы никак не можем вызвать Максаковых на допрос. К ним только подойди – и получишь по шапке... Но никто не запрещает нам находиться рядом с ними. Я решила проверить, не сдастся ли какой-нибудь дом в том же поселке – и вуаля. Летом эти коттеджи нарасхват, туда не пробиться, а вот в октябре желающих пожить за городом куда меньше.

– И не без причины. Ты ведь понимаешь, что я там поселиться не смогу? Мне на работу нужно ездить, вообще-то.

– А тебя никто и не приглашает.

– Андрей тоже вряд ли сможет.

– Я знаю, – отозвалась Александра. – Опыт показывает, что мы с Гайей вполне неплохо справляемся вдвоем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.